ПИОНЕР

11

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

? ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ?

ВОПРОСЫ

1) Может ли пионер перейти в комсомол без выявления себя, т.-е. активности в пионерах, если нет работы в отряде?

Г. Бугаков, с. Максимовское, Акмолинской губ.

2) Откуда можно выписать переплетные инструменты, как то: пресс, нож обрезной, прошивальный станок и т. д.?

М. Позельский, Бело-Шинский оайон

3) Кто такие „Красные Фронтовики" в Германии, кто ими руководит и что они делают?

Кинолов, ст. Кр.-Лиман

4) Можно ли купить противогаз отдельному лицу для своей собственности?

Т. Курнаков, поселок Нерль

5) Почему нет журнала пионерских мод?

Боб Бобкинс, Москва. Звено „Красный Пионер"

ОТВЕТЫ

1) Если отряд хорош—значит и работы много, а если плох—значит надо исправлять. Комсомол принимает лучших, активных пионеров,—какой же он лучший, если для себя в отряде работы не найдет?

2) Можешь выписать из магазина наглядных пособий МОНО. Москва, центр, Театральный проезд, Лубянский пассаж.

3) «Красные Фронтовики» — это боевая организация рабочего класса Германии. Ею руководит германская компартия.

4) Тебе незачем покупать то, что ты сам легко сможешь сделать. В № 8 журнала «Пионер» за 1927 г. ты найдешь описание противогаза. По этому описанию делали противогазы на конкурс «Пионера» и «Пионерской Правды» тысячи пионеров и школьников.

5) Описание того, как шить ребятам и девочкам удобную одежду, конечно, нужно: заводить специальный журнал для этого не стоит, можно завести такой отдел и в нашем журнале. Пусть читатели «Пионера» спросят у своих матерей, стоит ли заводить такой отдел. Если ребята напишут об этом, охотно заведем.

ЧТО ИНТЕРЕСНОГО В ЭТОМ НОМЕРЕ

Отв. редактор Н. СЛЕПНЕВ

Москва. Главлит А 15 543. Изд. № 2751 „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. Тираж 30.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Центр, Нов. площ., 6/8
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 11 ИЮНЬ 1928 г.

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Историческая повесть И. БАС

Рисунки худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Продолжение)

Константин Федорович Филиппеус, фактический руководитель сыском при третьем отделении, докладывает его превосходительству генералу Мезенцову:

— Нечаев окончательно исчез из поля зрения наших агентов.—Ваши агенты пьяницы и остолопы. Они не дают себе труда искать его.

— Но, ваше превосходительство! После злосчастного ареста Серебренникова Нечаев не появляется больше на улицах...

— Что же делать?

— Агенты отказываются от дальнейшей слежки. Это совершенно бесплодно...

— Но я от нее не откажусь!.. Придумайте другой путь...

У Филиппеуса уже был выработан план.

— Нужно прежде всего выяснить, где Нечаев. Наш агент должен под маской сочувствующего войти в доверие к революционерам.

— Но эта дичь слишком осторожна, чтобы подпустить к себе собаку.

Филиппеус поморщился от не совсем лестного сравнения, но продолжал:

— Агент Роман пользуется полным доверием у Огарева, а через него легко сойдется и с Бакуниным.

Мезенцов задумался.

— Хорошо! Я доложу графу Шувалову.

Через несколько дней в поезде, шедшем за границу, занял отдельное купэ отставной русский офицер, книгоиздатель Постников. Он ехал в прекраснейшем настроении. И всю дорогу он ощущал в боковом кармане толстый бумажник с тоненькой, но многозначительной бумажкой:

„Статскому советнику Роману. Согласно приказания его сиятельства графа Шувалова, вам вменяется в обязанность применить особое старание к открытию настоящего местопребывания Нечаева“.

Если это удастся—Романа ждет блестящая карьера.

ПАУТИНА

Книгоиздатель Постников играет за границей роль свободолюбивого барина, который боится потерять свое легальное положение, но уважает смелость и непримиримость старых эмигрантов. Поэтому он не вмешивается в революционные дела, но охотно беседует о них со стариком Огаревым, с Бакуниным. Когда революционеры испытывают денежные затруднения, а это с ними бывает нередко, он умеет тактично ссудить им несколько десятков франков; возвращаясь в Россию, он берется отвезти несколько нелегальных листков.

Со свежим человеком, только что приехавшим из России, можно просидеть до утра, расспрашивая про жизнь, про настроения, о том, что думают, что говорят.

Бакунин засыпает вопросами любезного соотечественника, а Постников незаметно переводит разговор на Нечаева:

— Да, любопытно было бы его увидеть...

Бакунин промолчал.

Постников крепко выругался про себя, но не подал виду и перевел разговор на другую тему. Потом стал прощаться:

— Завтра непременно загляну.

Скоро Постников превратился в поклонника и постоянного посетителя Бакунина. Имя Нечаева стало все чаще упоминаться в беседах. Хитрость талантливого сыщика не раз пыталась обойти бдительность старого конспиратора.

— Проклятая лиса, не проговаривается! Однако застану же я когда-нибудь Нечаева у него на квартире.

Но в ежедневных отчетах третьему отделению Роману приходилось признаваться в неизменной неудаче.

Кто-то бросился на них из засады

Граф Шувалов снова мечет громы и молнии. Полиция всей Европы совершенно бессильна перед легендарным Нечаевым.

Мечты о блестящей карьере все реже посещали статского советника Романа. Он готов был сложить оружие. Но перед этим в последний раз пошел напролом. Он открыто заговорил с Бакуниным о Нечаеве и, наконец, услыхал:

— Он все-таки сорви-голова, таких нам теперь и нужно. Когда приедешь в Лион, я тебя с ним познакомлю, и ты убедишься, что я прав.

ЦАРСКИЙ ШПИОН В РЯДАХ ЛИОНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

Лион осенью семидесятого года стал резиденцией Бакунина. Здесь готовилась революция, готовилось такое восстание, какого Бакунин ожидал всю жизнь, которое должно было уничтожить всякое насилие, всякую власть, создать свободную коммуну. Бакунин стал душой революционной организации в Лионе. Он вызвал на улицу рабочие толпы и повел их к городской думе свергать власть.

В день восстания прибыл в Лион книгоиздатель Постников. Уже на вокзале он уловил какое-то необычное настроение. Все спешили к центру города. Магазины торопливо закрывались. Постников сразу попал в густую толпу. Людской поток быстро повлек его за собой. Вдруг он увидел впереди солдат.

„Чорт возьми! Агент русского правительства в рядах бунтовщиков!..“—засмеялся Постников над своим положением.

Он решил выбраться из толпы, но потом передумал:

„Ведь не так уж часто выпадает случай посмотреть настоящую революцию“.

И вместе с возбужденной толпой с красным знаменем впереди, под крики „свобода!“ Постников бросился к городской думе.

Поздно вечером Постников разыскал Бакунина.

— А Нечаев приедет?—было его первым приветом.

Бакунин протянул письмо. Постников понял, что оно от Нечаева и с нетерпением развернул.

„...Я был в Лионе. Убедился на месте в полной несвоевременности и неуспехе восстания. Твое участие в нем лишний раз убеждает меня в твоей непрактичности. Что касается меня, то я отказываюсь от всякого участия в этом предприятии. Уйдя раз от русской полиции, не желаю попасть снова в руки французской, что легко случилось бы, если б я послушал тебя. Адреса я не оставляю“...

Постников бешено выругался. Бакунин решил, что из сочувствия к нему. Дружба между ним и Нечаевым давно уже дала трещину. Бакунин к этому времени убедился, что он обманут. Никакой реальной организации у Нечаева нет. Среди многих других причин, может быть, эта сыграла не последнюю роль. Великий бунтарь, сам применявший и оправдывавший подобные приемы, может быть, не смог простить того, что они были применены к нему. Во всяком случае, он вознегодовал, а после этого письма окончательно порвал с Нечаевым.

„Сорви-голова“ снова исчез. Теперь для Постникова не оставалось никакой надежды.

Прошло больше года. Постников уже давно поставил крест над своей карьерой. Отпросившись в долгосрочный отпуск, он поправлял расшатанное здоровье. В Европу на розыски Нечаева отправился сам ад'ютант шефа жандармов майор Николич-Сербоградский.

Нечаев вернулся в Швейцарию. Его тянуло в Цюрих, к друзьям. Из всех русских эмигрантов он с наибольшей симпатией вспоминал молодого энергичного Сажина. Но встреча их прошла холодно. Сажин состоял в кружке Бакунина, и учитель требовал разрыва с Нечаевым. Нечаев был огорчен.

Нечаев нашел приют и поддержку у старого эмигранта, участника польского восстания, Адольфа Стемпковского. И скоро основное ядро организации снова было сколочено. В центральную группу вошли три человека: Нечаев, Стемпковский, Турский.

Нечаев последние дни был в восторге. Стемпковский казался настоящим и преданным революционером. Он предоставил себя в полное распоряжение организации. Сегодня он обещал доставить паспорт и средства, необходимые для поездки. Нечаев пришел на свидание, назначенное Стемпковским в маленьком загородном ресторане.

Друзья радушно поздоровались. Усевшись за отдельный столик, они потребовали пива и о чем-то вполголоса заговорили. Задняя дверь ресторана вела в маленький садик. Сюда повел Стемпковский своего друга. Они переступили порог, и вдруг кто-то бросился на них из засады. Нечаев вскочил обратно в кафэ, но сюда уже вбежали с улицы жандармы. Ловушка захлопнулась. Он был схвачен.

— Скажите русским, что их товарищ арестован...—крикнул он, прежде чем префект успел заткнуть ему рот. Под усиленной охраной его повели в тюрьму.

Он был предан Стемпковским.

— А, господин Нечаев! Наконец-то я имею удовольствие с вами познакомиться,— прошипел майор Сербоградский.

— Вы ошибаетесь. Мое имя — Стефан Гражданов. Я—серб. За что меня задержали?—обратился Нечаев к префекту полиции.

Но царский жандарм его перебил:

— Это Нечаев. Я удостоверяю его личность.

Префект любезно поклонился.

— Этого вполне достаточно, господин майор!

Нечаев ухитрился передать на волю записку для Сажина.

„Архив мой находится у мадам Клеман в Париже. Возьмите его. Я уверен, что вы поступите с ним наилучшим образом. Я погиб“.

Он был схвачен

Через несколько дней Сажин стучался в квартиру мадам Клеман.

— Ваш жилец Стефан Гражданов серьезно заболел и его увозят на родину. Я хотел бы забрать его вещи и бумаги.

Впрочем, бумаги и оказались единственными вещами жильца мадам Клеман. Сажин собрал их, перевез в Цюрих и сжег.

Между тем Бакунин поднял на ноги всю русскую эмиграцию. Газеты печатали протесты революционеров. Делегаты отправлялись к самому префекту:

— В свободной республике борцы против деспотизма не имеют убежища?

Но префект полиции за хорошую мзду хорошо зазубрил свою роль:

— Мы всегда были рады приютить политических эмигрантов. Нечаева же мы выдаем не как революционера, а как убийцу.

— Но это политическое убийство!

— Русское правительство обещает судить его только за уголовное преступление.

— И вы верите обещаниям самодержавных жандармов?

— Конечно. Не можем ведь мы укрывать убийц?

Тогда несколько смельчаков решились действовать иначе. На вокзале в день отправки Нечаева собралась кучка возбужденной молодежи. Совсем молодая девушка поминутно оглядывалась на товарищей, не отходя в то же время от под'езда. Вдруг она вздрогнула и сорвавшимся от волнения голосом произнесла:

— Ведут!

Молодежь затеснилась у выхода на перрон. Через минуту появились жандармы. С оглушительным криком, свистками, сжав кулаки, бросилась молодежь им навстречу. Жандармы невольно отступили на шаг, и молодежь окружила Нечаева. Началась свалка. Публика в панике разбежалась, оставив смельчаков на опустевшем перроне лицом к лицу с полицией. Но силы оказались слишком неравными. Конвой был усиленный и хорошо вооруженный, к нему на помощь подоспели русские шпики, а Нечаев был закован в кандалы. Через минуту два жандарма втолкнули его в вагон, пока остальные продолжали избивать его неудачных освободителей. Дверь вагона захлопнулась. Нечаева увезли в Россию.

Через несколько дней, опасаясь мести,' спешил улизнуть

из Швейцарии Стемпковский. На том самом перроне, где друзья в последний раз видели Нечаева, нетерпеливо шагал предатель. Руки были запрятаны в карманы, воротник поднят, голова опущена в землю, как у страуса, прячущегося от опасности. Кто-то загородил ему дорогу. Стемпковский поднял глаза и помертвел: прямо в глаза уставилось черное дуло револьвера. Раздался выстрел, и предатель упал. Поднялась тревога. Стрелявших схватили и увели. Жандарм наклонился над убитым. Стемпковский медленно раскрыл глаза, обвел окружающих и, убедившись, что опасность миновала, стал подыматься перепуганный, но невредимый.

ШЕМЯКИН СУД

Александр II охотно сдержал данное слово. Нечаева судили только как уголовного преступника. Не в интересах правительства было снова вызывать грозную тень „Народной Расправы".

— Подсудимый, признаете ли вы себя виновным?

— Я—эмигрант. Подданным русского императора быть перестал. Формальности вашего судопроизводства не имеют для меня никакого значения. Я признавал бы позорным для себя допустить судить мое поведение...

Вывести подсудимого!..

Жандармы поволокли его из зала, и уже в дверях раздался его возглас:

— Рабом вашего деспота я быть перестал!.. Долой деспотизм!

Офицер втолкнул его в маленькую комнатку и обрушился на него с кулаками.

Через несколько минут его опять привели.

— Подсудимый, вы обвиняетесь в убийстве из личной ненависти.

— Убийство студента Иванова—политический акт.

— Вывести его.

Опять маленькая комнатка, грубые жандармы и дикие, оскорбительные побои.

— Подсудимый, признаете ли вы себя виновным?

В глаза уставилось черное дуло револьвера

Царское правительство сдержало слово. Прокурор в двухчасовой речи доказал, что убийство было совершено с целью... ограбления.

Председатель поднял коротко остриженную голову:

— Подсудимый, вы ничего не имеете сказать в свое оправдание?

— Я считаю унизительным для своего имени защищаться от клеветы, очевидной для всех. Правительство может отнять у меня жизнь, но честь останется при мне.

Старый лицемер кротко обернулся к присяжным:

— Прежде чем вы будете решать, виновен ли этот человек, я хотел бы вам напомнить слова из высочайшего манифеста:

„Да царствует милость в судах!"

Нечаев негодующе отрезал:

— А меня бил жандармский офицер!

Двадцати минут было достаточно присяжным для вынесения приговора:

„Подсудимого Нечаева, лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы на двадцать лет".

(Продолжение следует).

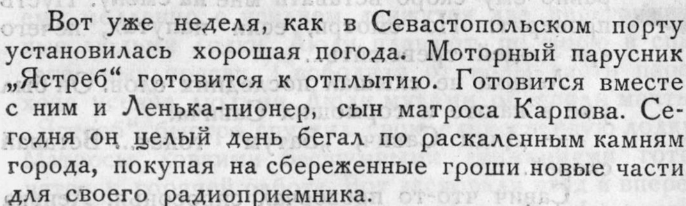
ЛЕНЬКА-РАДИОСТРОИТЕЛЬ

Рассказ Уральцева

Рис. В. Голицына

Посвящается Алику Петрову, семилетнему радиолюбителю

— Ого!—подумал Ленька — будет качка

Вот уже неделя, как в Севастопольском порту установилась хорошая погода. Моторный парусник „Ястреб“ готовится к отплытию. Готовится вместе с ним и Ленька-пионер, сын матроса Карпова. Сегодня он целый день бегал по раскаленным камням города, покупая на сбереженные гроши новые части для своего радиоприемника.

Весь потный, первым вбежал он на судно. Долго и опасливо осматривался — нет ли поблизости капитана судна Смургиса. Капитан не любил Ленькиных затей с радиоприемником. Как-то раз он зацепился ногой за проволоку, которую Ленька разматывал на палубе, и чуть было не растянулся на глазах своей команды. Только моряцкая ловкость спасла капитана от такой аварии. Зато он так рассердился, что пригрозил выбросить радиоприемник в море, если Ленька еще раз попадется с ним ему на глаза.

Ленька благополучно спустился в матросскую каюту и сел на отцову койку. Около нее находился его радиоприемник, а под потолком, натянутая на деревянную рамку, висела антенна. Передохнув, Ленька настроил свой радиоприемник. Севастопольская портовая радиостанция сообщала: „Дует норд-ост. Ждать перемен“.

Ого!—подумал Ленька—будет качка.

Осмотрев внимательно свои покупки—детектор, конденсатор и проволоку,—Ленька бережно завернул их, сунул в отцов чемоданчик, а сам пошел на палубу.

„Ястреб“ отшвартовался.

Ленька жадно вдыхал морскую свежесть и облизывал губы. В душе у него был праздник: от хорошего дня, от моря, от того, что под койкой спрятаны новые части радиоприемника, и вообще от всех будущих неожиданностей, которые сулит ему жизнь.

К вечеру ветер усилился, и капитан велел поднять паруса. Подхваченные ветром, они затрепетали огромными крыльями. На мачте зажгли огни. Темнело. Море нахмурилось.

Ленька лег на койку и взял трубку радиотелефона. Севастопольской станции уже не было слышно,—говорили какие-то другие станции, не русские. Ленька слушал, хотя ничего и не понимал. Но вдруг он услышал русскую речь: „Говорит пароход „Батум“. Еду в Новороссийск. Имею груз пассажиров... Буду в Новороссийске утром“...

Капитан чуть не растянулся...

Потом опять голоса смешались... Ленька ничего не понимал. Но вдруг его лицо расцвело улыбкой удовольствия. В ухо полилась его любимая песня:

Наш пароход, иди вперед...

Пароход, море—все мгновенно исчезло. Ленька видит себя в Москве, в огромном зале Большого театра. Идет С'езд Советов. Вот на сцене Калинин. Ленька получает разрешение передать его речь по радио. Вот он уже на радиостанции... включает мощный передатчик, и речь Калинина от слова до слова звучит на весь Советский Союз...

Ленька видит на другом передатчике большой выключатель. На нем написано: „передача изображений“. Он включает этот передатчик. На экране зал заседаний. Ленька видит Калинина, Рыкова, Ворошилова и много других знакомых по портретам лиц. Все аплодируют вождям, и Ленька, забывшись, хлопает в ладоши. Экран внезапно темнеет. Все исчезло. Ленька чуть не плачет: неужели это оттого, что он забылся и захлопал в ладоши? Но туман снова раздвинулся, и на экране затрепетало синее пятно. Ленька до боли напрягает глаза. Перед ним медленно светлеет сцена: да, это опять Большой театр! Ну да, с'езд кончился и теперь дают оперу для членов с'езда. У Леньки от радости дух замер. На сцене подводное царство. Скользят морские чудовища. Голубой свет, как морская вода, льется откуда-то из глубины. Люди в чешуйчатых костюмах движутся на полотне. Музыка все усиливается. Она похожа на рокот разбушевавшегося моря.

Вдруг Ленька чувствует, как холодная скользкая рука чудовища обвивается вокруг его шеи. Он громко вскрикивает—и просыпается. В эту же секунду раздается раскат грома, словно треснул пароход. Ленька вскакивает, и трубка с глухим стуком падает на пол: из нее слышен глухой треск...

— Так вот какое чудовище душило меня!— улыбаясь, думает Ленька. Он бережно вешает трубку на место.

В каюте темно. За стеной парохода бьются волны. „Ястреб“ словно на качелях: то вниз, то вверх.

Ленька закрывает голову одеялом и зарывается в подушку. Ему очень хочется досмотреть интересный сон.

Ленька проснулся рано. Отца в каюте не было. Он в эту ночь дежурил. Проти-

Ленька улыбался всеми своими веснушками...

рая глаза, Ленька вышел на палубу. Солнце, как ни в чем не бывало, смотрело на Леньку, а внизу, словно после битвы, ползли разорванные серые клочья тумана. Ленька подошел к отцу.

— Ты чего это так рано вскочил, неугомонный?

— Была ночью гроза?—ответил вопросом Ленька.

— А ты не слыхал? Какая еще! Не чаял, как утра дождаться.

— Я знал, что будет гроза,—похвалился Ленька.— Мне по радио передали. А какой сон я видел...

Торопясь, Ленька рассказал свои ночные приключения. Отец слушал с напускным недоверием взрослого.

Ленька понесся в каюту, к своему другу—радиоприемнику.

На этот раз в трубке была какая-то суматоха. Кричало сразу несколько голосов. Ленька напряг слух и разобрал только одно слово: „Батум". Оно повторилось несколько раз. Потом откуда-то взметнулось: „на помощь"... И опять все перемешалось. Наконец, Ленька услышал: „долгота 36, широта 44. Спешите..."

Среди шума и разных звуков в трубке радиотелефона Ленька ясно различал прорывавшиеся время от времени радиотелеграфные звуки: три точки, три тире, три точки ... — — — ... Ленька знал, что на телеграфной азбуке Морзе эти знаки означают три буквы СОС (три точки—это буква С, а три тире—буква О).

Слово СОС—это крик о помощи, последний крик тонущего корабля. СОС—это ужасное слово, которое знают все моряки.

— Да ведь это судно тонет,—догадался Ленька и побежал опять к отцу:—„Батум" тонет, просят помощи...

— Чего ты орешь?—рассердился отец.—Какой еще „Батум"... С чего ему тонуть? Совсем парень ошалел со своими затеями...

— Да ты послушай сам,—теребил его Ленька,— поди к радиоприемнику.

— Ты что, не знаешь, что ли, порядков? Не могу я уйти с дежурства...

Ленька в отчаянии завертелся на месте:

— Да если там люди тонут! Я же вправду слышал...

Карпов сдвинул брови:

— Вот что! Беги за Савичем, разбуди его. Все равно ему скоро вставать мне на смену. Пусть проверит. Но смотри, если напутал, нечего зря людей тревожить...

Ленька не слышал последних слов. Он был уже в каюте и тормошил Савича:

— Дядя Савич, „Батум" тонет... Вставай скорей...

Савич что-то проворчал спросонья. Ленька совал ему к уху трубку: на вот, слушай...

Трубка теперь уже отчетливо рапортовала: „Имеем на борту 100 пассажиров и груз. Судно „Батум" погружается. Широта 44... Долгота 36..."

У Савича слетел сон. На-ходу одеваясь, он пошел к капитану. Ленька, озабоченный, со слипшимися на лбу волосами, подлетел опять к отцу:

Савич пошел будить капитана. Я не ошибся!

Карпов вздрогнул:

— Ну? Лучше было бы, если б ты ошибся,—сурово отрезал старый матрос. Рука же ласково потянулась к Ленькиной лохматой голове:

— Ишь, как вспотел!

На палубу входил Смургис. Ленька по привычке хотел было юркнуть в сторону, но слова Савича пригвоздили его на месте:

— Ленька Карпов по своему приемнику услыхал. Вот проверьте, товарищ капитан. Как будто и правда неблагополучно.

— Дай сюда твою трубку!—приказал Смургис.

— Есть! коротко, по-матросски отозвался Ленька.

Капитан слушал, и лицо его постепенно менялось. Брови сошлись у переносья, на лбу собрались тревожные складки. Ленька не спускал с него глаз.

— Молодец, мальчик!— положив трубку, мягко сказал Смургис.

— Есть!—серьезно отрапортовал Ленька.

Капитан командовал рулевому:

— Держать курс на юг. Судно „Батум" тонет на 44-й широте и долготе 36.

Потом повернулся к матросам:

— Сменить Карпова. Карпову встать у радиоприемника и докладывать мне, что будет слышно, через каждые полчаса.

— Есть!

Карпов приник к трубке. В ухо ему нанизывались тревожные короткие слова: „Судно погружается в воду. Спасательных кругов нехватает. Лодок мало. Гибнем... Спешите, спешите, спешите"...

У Карпова непроницаемо-суровое лицо и еле заметная дрожь в той руке, которая держит трубку. Ленька видит эту дрожь.

„Ястреб" идет под парусами полным ходом. Море спокойно. Будто не оно это бушевало всю ночь. Матросы высыпали на палубу. Лица их напряжены и хмуры. „Ястреб", развивая скорость, несется на юг, безжалостно разбрасывая и разрывая голубовато-прозрачные смирные волны.

Карпов докладывает капитану:

— „Батум" идет быстро ко дну... Успеем ли?..

— Должны успеть,—говорит капитан и наводит подзорную трубу на юг. Через некоторое время уже невооруженным глазом можно было видеть мачты гибнущего корабля... Нервное напряжение усиливается. Ленька мечется среди взрослых, но на этот раз он никому не мешает. Ни одного окрика, ни одного толчка.

Вот „Ястреб" на месте катастрофы. Навстречу ему медленно, с усилием движутся две перегруженные людьми лодки. Люди плавают по морю в спасательных поясах. Свободная от воды часть парохода усеяна людьми. Люди мухами облепили мачты. „Ястреб" быстро спустил свою единственную лодку. Матросы ловкими бесшумными движениями готовятся к горячей работе. Вот засновали взад и вперед лодки, пересаживая людей на „Ястреб". Некоторые из матросов заняты ловлей тонущих, которые, обезумев от страха, не понимают слов, не слышат распоряжений и бьются в руках матросов.

Через некоторое время люди подняты на „Ястреб". Судно медленно, словно с сознанием важности происшедшего, отходит от „Батума". Ленька стоит на перегруженной палубе и наблюдает за последними минутами „Батума". Вот торчит из воды острый нос, словно большой черный камень. Камень на глазах исчезает, растворяется... Вот уже ничего не видно.

Когда спасенные пришли в себя, они обратились к капитану Смургису с благодарностью. Капитан „Батума", перешедший на „Ястреб" последним, с нервной дрожью в лице следивший за исчезновением под водой своего парохода, подошел к Смургису. Его интересовало, как это не имеющий радиоприемника „Ястреб" узнал о несчастьи с „Батумом"?

— В том-то и дело, что радиоприемник у нас есть, только до сих пор он был, так сказать, нелегальный,—улыбаясь и смотря на Леньку, сказал Смургис.—И в последнем, сознаюсь, есть моя вина.

Капитан „Батума" ничего не понимал.

Тогда Смургис пояснил:

Вы своим спасением, а мы—счастьем притти к вам во-время на помощь обязаны одному мальчугану. У него есть радиоприемник, который он сделал сам. Этот мальчик—Алексей Карпов. Вот он!..

Ленька стоял перед Смургисом и улыбался всеми своими веснушками. Некоторые из спасшихся бросились обнимать его, но Ленька во время уклонился: он не любил нежностей. Однако героем чувствовать себя было приятно. Главное же—не надо было больше бояться Смургиса.

Смургис не только не выбросил Ленькиных затей в море, но и положил начало новому радиопередатчику. Леньке была отведена каюта, где он был полным хозяином и где предполагалось поставить радиостанцию.

Пассажиры быстро собрали деньги на покупку необходимых частей для усовершенствованного радиопередатчика. Когда „Ястреб" пришел в Новороссийск, Ленька, сияя от счастья, полетел в магазин за покупкой всего необходимого для своей станции.

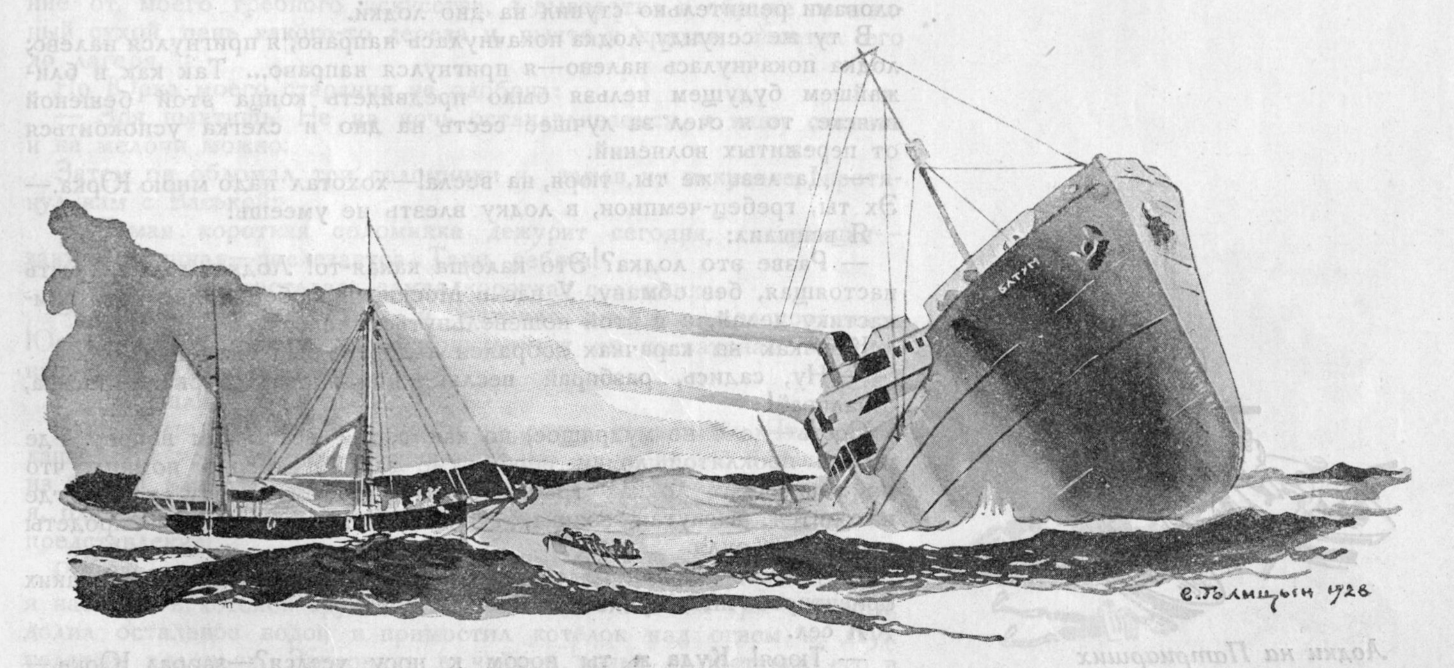
Через день станция была готова. Этот день был торжественно отпразднован. Пришел начальник порта, из местной организации вызвали пионеров, и даже явился редактор газеты. Редактор разговаривал с Ленькой, как со взрослым, пожал ему руку, а какой-то длинноногий дяденька в клетчатой кепке щелкнул перед Ленькиным носом фотографическим аппаратом. На другой день в газете появилась статья о Леньке с его портретом.

В этот же день Ленька принял по радио следующую передачу: „Алло... Алло!.. Говорит Москва. Станция имени Коминтерна на волне 1450 метров. Слушайте и записывайте. 5 мая пароход „Батум" на Черном море пошел ко дну от неизвестной причины. Пассажиры и матросы спасены судном „Ястреб". О гибели судна известил команду „Ястреба" пионер Алексей Карпов. Он установил на своем пароходе радиоприемник, благодаря которому и узнал о грозящей „Батуму" опасности...

Алло! Алло! Радио-пионер Леня Карпов. Будь готов!"

Ленька от неожиданности потерял язык. Но затем оправился, откашлялся и ответил через свою радиостанцию:

„Алло! Алло! Говорит судовая радиостанция „Ястреб"... Слушай, Коминтерн! Алексей Карпов всегда готов!"

„Ястреб" на всех парусах подошел к тонущему „Батуму"

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ

Рассказ ГР. ГРАДОВА
Рис. худ. К. КУЗНЕЦОВА

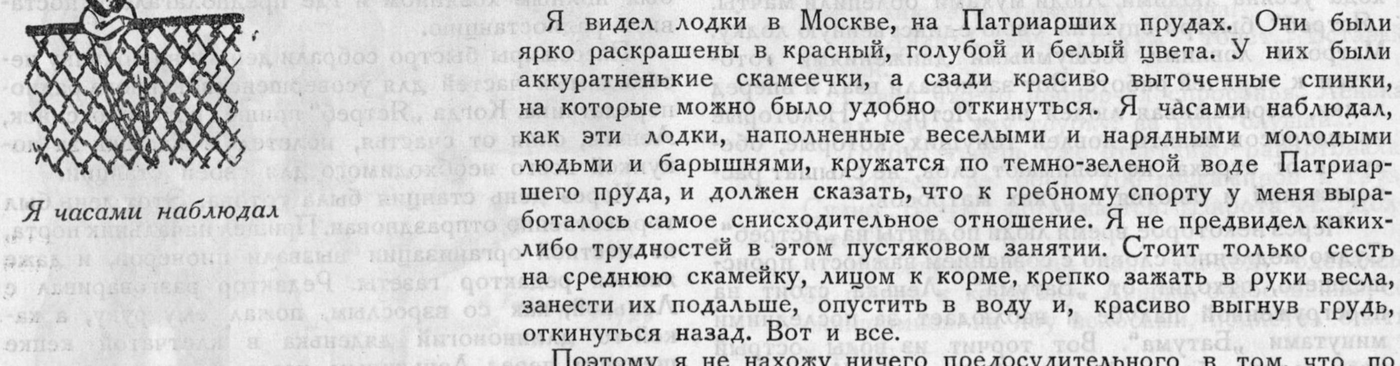
(Продолжение)

9. ГРЕБЕЦ-ЧЕМПИОН

Я часами наблюдал

Я видел лодки в Москве, на Патриарших прудах. Они были ярко раскрашены в красный, голубой и белый цвета. У них были аккуратненькие скамеечки, а сзади красиво выточенные спинки, на которые можно было удобно откинуться. Я часами наблюдал, как эти лодки, наполненные веселыми и нарядными молодыми людьми и барышнями, кружатся по темно-зеленой воде Патриаршего пруда, и должен сказать, что к гребному спорту у меня выработалось самое снисходительное отношение. Я не предвидел каких-либо трудностей в этом пустяковом занятии. Стоит только сесть на среднюю скамейку, лицом к корме, крепко зажать в руки весла, занести их подальше, опустить в воду и, красиво выгнув грудь, откинуться назад. Вот и все.

Поэтому я не нахожу ничего предосудительного в том, что по дороге от усадьбы до реки я кое-что рассказал своим спутникам о моих победах в гребных состязаниях и о поставленных мною рекордах. Ребята отнеслись к моим рассказам с полным доверием, да я и сам, признаться, почти верил в них: эка, подумаешь, невидаль, загребать воду двумя длинными лопатами, тем более, что теоретически я отлично знал, как это делается. Лодка, в которой нам предстояло совершить длинное и интересное путешествие, оказалась совершенно непохожей на те раскрашенные игрушечки, которыми я любовался в Москве. Черная, грязная, облитая и изнутри и снаружи каким-то темным липким клейстером (впоследствии я узнал, что это „вар“—смола с дегтем,—которым мажут лодки для избежания течи), она возвышалась над водой всего на каких-нибудь четверть аршина. Юрка совершенно свободно, как по земле, прошел по ней до крайней скамеечки.

— Ну, кто на весла?—спросил он.

— Да кто же, как не Толька? Уж ему и книги в руки,—решил Васька.

В тоне его голоса чувствовалось неподдельное уважение. Я пробормотал несколько слов о том, что я хотя и давно не тренирован, но, как чемпион, могу показать им настоящую классную греблю, и что если они спешат, то я готов приналечь,—и с этими словами решительно ступил на дно лодки.

В ту же секунду лодка покачнулась направо, я пригнулся налево; лодка покачнулась налево—я пригнулся направо... Так как в ближайшем будущем нельзя было предвидеть конца этой бешеной пляске, то я счел за лучшее сесть на дно и слегка успокоиться от пережитых волнений.

— Да лезь же ты, тюря, на весла!—хохотал надо мною Юрка.— Эх ты, гребец-чемпион, в лодку влезть не умеешь!

Я вспылил:

— Разве это лодка? Это калоша какая-то! Лодка должна быть настоящая, без обману. У нас в Москве в любой лодке хоть гимнастику делай, а в этой пошевельнуться нельзя!

Кое-как на карачках добрался я до средней скамейки.

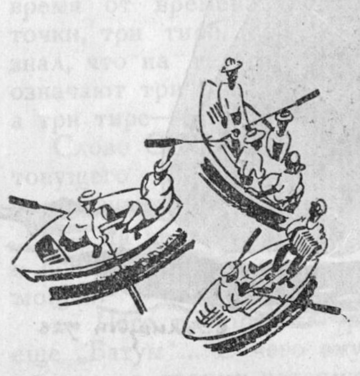
— Ну, садись, разбирай весла! — командовал Юрка. — Васька, отчаливай!

Сесть—дело не мудрящее, но как сесть—вот в чем вопрос. Где у этой проклятой лодки перед, где зад? Я твердо помнил, что на московских лодках гребец садится к тому концу лодки, где находится выгнутая спинка, сквозь столбики которой продеты шнурки от руля.

А у этого странного сооружения не было абсолютно никаких ориентировочных пунктов.

Я сел.

— Тюря! Куда ж ты носом к носу уселся?—заорал Юрка.— К корме повернись!

Лодки на Патриарших прудах

— А то на ней написано, что ли, где нос, где корма?—огрызнулся я, поварачиваясь.

— А сам не видишь?

— Что ж сам, обязан я, что ли, над такими пустяками голову ломать? Вот у нас в Москве, если у лодки нос, так уж это действительно нос—каждому понятно и ясно...

— Греби, греби, нечего там!—прервал меня Юрка.

— Что ж такое „греби," пожалуйста, сколько угодно!—я вставил уключины и вложил в них весла. Подавшись вперед, я занес их к носу лодки на всю длину своих рук и, погрузив их в воду, лихо откинулся назад. Оба весла глубоко в'елись в воду, и ручками весел меня потянуло кверху. Я навалился на них животом и вырвал их на поверхность.

— Легче! Тю!..—заорал Юрка, но, захлебнувшись целым потоком воды из-под правого весла, подавился на полуслове; „ря" у него так и не вышло. Сзади меня слышался злорадный хохот Васьки:

— Ай-да гребец! Ай-да чемпион! Полей его еще! По...

Договорить он не успел: красивым, изогнутым движением я занес весла назад, но левое при этом врезалось в воду. Я рванул его и полил Ваську не хуже, чем дворник мостовую. Затем я почувствовал, что оба весла уперлись во что-то твердое, получил толчок в грудь и свалился вверх ногами на дно лодки.

Васька, перешагнув через меня, уселся на мое место.

Наконец, я понял, в чем дело: оказывается, я в'ехал в какое-то сухое дерево, нахально торчащее из воды на самой середине реки. Я попробовал высказать несколько глубоких мнений о том, что деревьям вообще расти в реке не полагается и что если бы в Москве на Тверской насажать где попало деревьев, так за это милиция по головке не погладила бы...

Я смотрел, как ловко, без всяких усилий, греб Васька, и впервые, пожалуй, начал отчетливо понимать, что между теорией и практикой есть большая разница.

Ворона насмешливо каркнула

На ней не написано, где нос, где корма

10. ГРЕЧНЕВАЯ КАША

— Баста! Причал на обед!—сказал Юрка, указывая рукой на небольшую песчаную отмель у поросшего густым лесом отрывистого берега.

Васька налег на весла, и через минуту лодка врезалась в мягкий песок.

— Живо за дровами!—скомандовал Юрка, доставая из лодки мешок с продуктами.

В дровах недостатка не было. Через пять минут мы с Васькой навалили их целую груду. Желая загладить неприятное впечатление от моего гребного искусства, я выворотил в обрыве громадный сухой пень какого-то дерева и, пыхтя и кряхтя, докатил его до лагеря.

Но Юрка моего старания не одобрил:

— Зря пыхтишь! Не на ночь останавливаемся, а кашу сварить и на мелочи можно.

Затем он обломал три соломинки и, зажав их в кулаке, протянул нам с Васькой:

— Самая короткая соломинка дежурит сегодня, следующая—завтра, длинная—послезавтра. Тяни, ребята!

Конечно, мне досталась самая короткая соломинка.

— Свари котелок каши и вскипяти чайник,—распорядился Юрка,—а мы пойдем раков ловить—тут их по затонам видимо-невидимо. Айда, Васька!

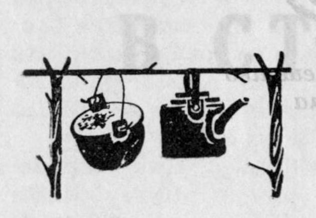
И они ушли.

Я не считал свои обязанности чересчур сложными. Что такое каша, да к тому же еще и гречневая, по сравнению с бифштексом из бизона или с котлетами из бегемота, о приготовлении которых я, благодаря Майн-Риду и Густаву Эмару, имел совершенно точное представление!

Развести костер из сухих дров было делом одной минуты. Затем я насыпал в котелок крупы, так приблизительно на три четверти, долил остальное водой и примостил котелок над огнем на двух толстых поленьях. Зачерпнув в чайник воды, я поставил его в самый жаркий огонь с другого края костра.

Я улегся на песке

Считая свою задачу почти выполненной, я улегся на горячем песке, поглядывая на спокойную гладь реки.

Прошло минут 15—20, и вдруг я услышал в костре какое-то странное шипение. Взглянул и остолбенел: каша, как живая, лезла из котелка и густой массой, переваливая через край, текла вниз, пригорая на тлеющих поленьях.

Я бросился к костру, схватил ложку и попробовал прекратить ей путь и загнать ее обратно в котелок. Тщетно. Пузырясь и всхлипывая, каша лезла вверх, как лава из вулкана. Омерзительно пахло гарью.

Я схватил котелок за ручку, чтобы снять его с костра... Взвыл от боли и, дуя на обожженные пальцы, запрыгал по песку. Обмотав руку носовым платком, я ринулся на котелок, но от костра ударил мне в лицо удушливый, угарный дым—и я, чихая и плача, отступил назад. А каша лезла.

Я решил, что серьезность положения обязывает меня пренебречь собственным самолюбием и призвать на помощь.

— Э-э-гей! Васька-а! Юрка-а!—завопил я отчаянно.

— О-го-го!—откликнулись они где-то за поворотом реки.

— Ско-о-рей! Сю-у-да!

Через минуту оба выскочили из густых зарослей на обрыве и скатились вниз, прямо к костру.

— Каша!.. Лезет!..—прошептал я, в священном ужасе указывая на котелок. В одну минуту, подхватив котелок за ручку палкой, Юрка вытащил его из костра.

— Дурья голова!—закричал он на меня.—Сколько ты крупы положил?

— То-есть, как это сколько? Ведь ты же сам сказал—котелок каши сварить, ну я и положил как раз... сколько надо...

— Сколько?

— Ну, чего пристал? Котелок положил, вот до этих пор.

— Ну, дура и есть! Надо было две кружки положить. Ведь она же распаривается...

— А я почем знаю? Кухарка я, что ли?

— Тюря ты, вот что! Кухаркой и быть не надо, а просто мозги в голове иметь! Во-первых, зерно от воды разбухает, а во-вторых, тела-то от теплоты расширяются... или физику позабыл?

Каша лезла

— Как я мог позабыть, раз я ее никогда и не знал? Физика? Хм... было там что-то такое насчет тепла и тому подобное, но разве могло мне придти в голову, что все эти скучные законы и формулы могут мне когда-нибудь пригодиться в кочевой жизни, на реке, у костра.

Между тем Васька хотел вынуть из костра уже вскипевший чайник, но рука его подняла только ручку, а чайник остался стоять на месте, как ни в чем не бывало.

— Тюря! Чайник распаял!—взревел Юрка и, опрокинув его палкой, выкатил из костра.

— Ничего я его не распаивал—просто чайник дрянь.

— А сколько ты в него воды налил?

Опять этот каверзный вопрос—„сколько?“ Если оказалось, что я переложил крупы, то уж с водой я не дам себя поймать. Я налил чайник далеко не доверху, но решив, что кашу маслом не испортишь, я ткнул пальцем в середину чайника.

— Вот столько!

— Так как же ему на распаяться? Доверху наливать надо. Ведь от теплоты тела-то расширяются...

— Тьфу! Опять не туда попал! Нет, положительно надо будет подзубрить физику.

— Да и вообще—ну, кто так готовит?—ворчал Юрка.—Никуда ты, Толька, не годишься. Уж на сегодня я тебя заменю, а ты смотри и учись. Послезавтра будешь дежурить,—никто тебе помогать не будет.

В одну минуту он собрал в кучу потухающий костер, вырезал две рогатых палки с аршин длиной и, воткнув их в песок с противоположных сторон костра, положил на них третью — длинную, а на нее подвесил котелок, долив водой остатки полуразварившейся каши. Потом проволокой подвязал к чайнику ручку и, налив его водой до краев, подвесил рядом на ту же палку. Я смотрел и учился.

— Видал?—обратился он ко мне.—Ну, а теперь марш с Васькой за раками. Будет готово—я позову.

Хм!

11. КТО КОГО ПОЙМАЛ

Что ж?! Ловить раков, во всяком случае, интереснее, чем варить гречневую кашу.

Раков я видел и вареных — на витринах пивных, и живых — у торговцев в корзинках, в Охотном ряду. Правда, у меня в голове шевельнулось смутное опасение — не кусаются ли они? Но, видя, как беззаботно и храбро шел на эту охоту Васька, это опасение быстро заглохло.

За поворотом берег реки совершенно изменился. Глиняными уступами спускался он в воду, и река промыла в нем глубокие темные впадины.

В небольшой корзинке, оставленной ребятами на берегу, шевелились десятка два раков.

— Ты лезь в воду и иди по берегу, — толковал мне Васька, — иди и щупай рукой, где рачья нора. Как нащупаешь, лезь в нее, хватай и тащи.

Лезь, хватай и тащи, — чего проще?

Берег был скользкий. Кое-как, держась за кусты, я брел по колена в воде, ощупывая глину. Ага! Наконец-то — нора! Я запускаю руку — не тут-то было. Не идет. Живо раскапываю глину. Ищу пальцами... Вот-вот — что-то твердое! И вдруг отчаянная боль в только что обожженном пальце...

— Ай-ай-ай!.. Васька! — ору я во весь голос. Я силюсь вытащить руку — кто-то держит меня за палец, упирается. Поскользнувшись, я окунаюсь с головой, встаю снова, отчаянно дергаю, и вот над водой появляется огромный черный рак, вцепившийся в мой указательный палец.

От нестерпимой боли у меня застилает глаза слезами.

С берега наклоняется ко мне встревоженное лицо Васьки.

— Чего орешь?

— Р-р-р-ака поймал! — нерешительно отвечаю я. Собственно говоря, я не был вполне уверен в том, что я поймал рака, а не рак меня.

— Да разожми ты ему клешню, ведь он же тебе весь палец искорежит, — сочувственно говорит Васька, — дай сюда!

Я протягиваю руку, и Васька в один момент ловко захватывает свободную рачью клешню в кулак, а другой рукой разжимает клешню, зажавшую мой палец.

Я вылезаю на берег и усталый, обиженный сажусь на траву. Нет, довольно с меня этой охоты! Конечно, рак не осьминог и не каракатица. Может быть, какой-нибудь морской кальмар в десять раз опаснее рака, но я лично предпочитаю охотиться на кальмаров, лежа на диване с Майн-Ридом в руках, чем лазить к их норам, подвергая свою жизнь и здоровье случайностям рачьих настроений.

Р-р-р-ака поймал

12. ЛОДКА-ДОМ

Каша и чай с хлебом вернули мне хорошее настроение. К тому же мой расстроенный вид побудил Юрку хлопнуть меня по плечу и сказать мне наставительно:

— Не горюй, Толька! Я тебе говорю — ты парень хороший, из тебя толк выйдет. А если ты тюря — так ты в этом не виноват. Погоди — обтешешься.

Раз есть лодка, значит есть и дом

Во всяком случае, когда после завтрака мы тронулись в путь, жизнь уже не казалась мне полной мрачных неожиданностей и горьких разочарований.

К вечеру Юрка начал беспокойно оглядываться назад, на ползущую за нами огромную свинцовую тучу.

— Ну, ребята, и гроза же будет — держись только! Надо заблаговременно о доме подумать.

— Ты ведь сам говорил, что до деревни еще 10 верст, так какой же может быть дом? — спросил я.

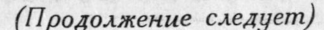
Юрка улыбнулся:

— А зачем нам деревня? Ведь у нас лодка есть.

— Ну и что же?

— А то, что раз есть лодка, значит есть и дом.

Откровенно говоря, я ничего не понял из этого странного об'яснения.

(Продолжение следует)

И гроза же будет!

Год издания 1-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ИЮНЬ — СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР" — 1928 г.

ЗА КУЛЬТУРНЫЕ МЕЛОЧИ

На любом сборе отряда, на любом звене вы услышите о том, что пионер должен быть культурным, „руки мыть, и ноги мыть, и сырой воды не пить" и т. д.

Многие пионеры, прослушав беседу, этим удовлетворяются и никакой культурности на деле не соблюдают. Другие пионеры (их пока меньшинство) добросовестно относятся к своим обязанностям и стараются привить культурные навыки своим сестрам и братишкам, своей семье.

Ниже приведены факты. Рябовых и Шестериных у нас еще маловато. Нужно им оказывать всяческую поддержку. Нужно, чтобы в каждом отряде имелся контроль над работой пионера в семье и над его личной жизнью.

Без борьбы за культурные „мелочи" мы будем плохой сменой комсомолу.

Опять сквозняк устроила!

Вот Шура Шестерина (71-й Кр.-Пр. отряд). Она повела борьбу со своими родителями за проветривание комнаты.

— Опять сквозняк устроила,— ворчала вначале мать, когда Шура, подметая пол, открывала форточку.

Сейчас мать увидела пользу от проветривания комнаты и сама открывает ежедневно форточку.

Ворчали и сестры Шуры, когда она их начала приучать ежедневно чистить зубы. Теперь тоже привыкли и благодарны Шуре.

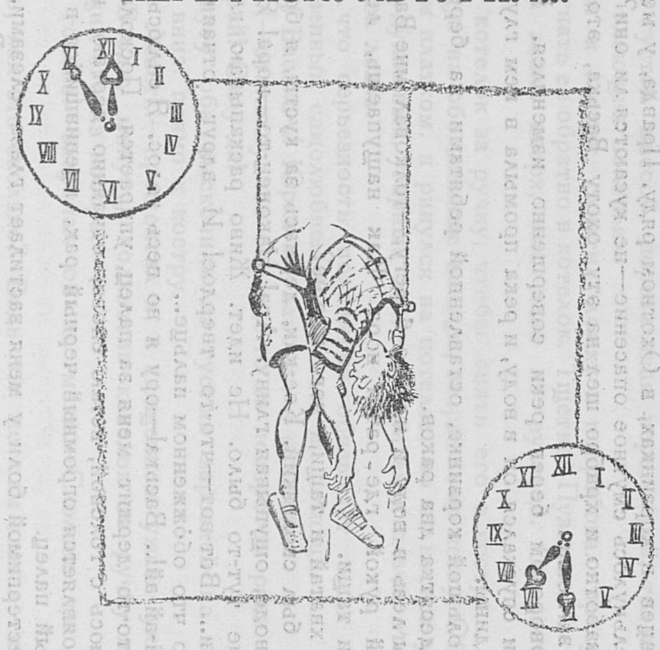
Никаноров занимается физкультурой

У Коли Букина тело всегда чистое, он занимается ежедневно физкультурой. Никаноров, ученик 43 школы, тоже занимается „физкультурой"—ищет, кому бы в нос дать, задирает товарищей и т. д.

Напомним еще о Мише Рябове, тоже из 16-го отряда.

Когда его товарищ по школе, Костя Б., начал курить, Миша поставил себе целью отучить его от курения. После нескольких бесед и увещеваний Костя бросил курить. Миша одержал большую победу.

ПЕРЕФИЗКУЛЬТУРИЛ...

Многие ребята не понимают, как нужно заниматься физкультурой, и доводят себя до бесчувствия...

РАЗГОВОР НА ЯЗЫКЕ МОРЗЕ

Вожатый отряда построил нас и сказал:

— Сейчас проведем игру „Доставка депеши". Каждое звено должно любым способом доставить записку до „Белого дома". Разрешается пользоваться всеми способами передвижения, кроме велосипеда и лошади. Выигрывает звено, первое доставившее депешу. На изучение маршрута даю полчаса. Звену „Трактор", как самому младшему, даем 20 мин. вперед.

Лешка, наш вожатый звена, возмутился.

— Не нужно нам... пойдем со всеми.

Звено согласилось.

А старшие звенья в шутку, конечно, смеялись над нами:

— Куда вам, малышам! Заблудитесь еще.

Лешка, наш вожатый звена-гениальный парень. Он отвел нас в сторону и посвятил в свой план. Мы были самые младшие, слабые, но у нас в руках была техника, а техника побеждает: мы быстро разделились на тройки и установили посты на расстоянии 200—300 шагов друг от друга по направлению к „Белому дому".

Через полчаса все построились снова. От нашего звена остался один Лешка. Ребята ничего не знали и снова посмеивались.

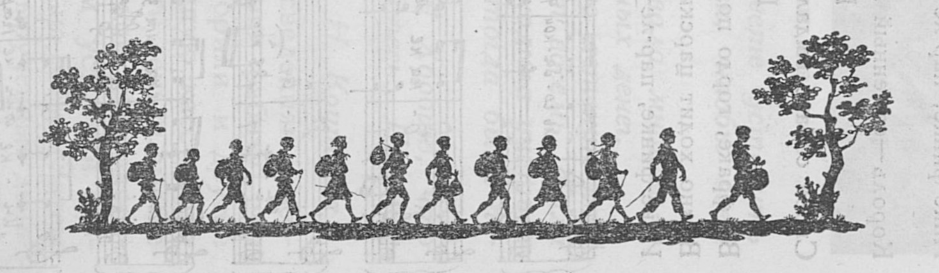
— Леша! Где звено-то твое? Растерял небось?

Леша ничего не говорил и загадочно улыбался.

Вожатый дал каждому звену записку. По команде все бросились к „Белому дому". Лешка, не торопясь, достал флажки и начал передачу Коле, который был чуть виден на том берегу реки.

Звенья бежали сквозь чащу леса, кустарник, овраги. Ребята состязались в быстроте и ловкости. А мы, не торопясь, сигнализировали. Язык Морзе оказался быстрее самых сильных бегунов отряда. Наша депеша пришла первой.

Старшие ребята были поражены и чувствовали себя не в своей тарелке. А все потому, что мы хоть и самые маленькие, но удаленькие. Зимой время не теряли даром!

БУДЕМ САНИТАРАМИ ВО ВСЕХ БОЯХ

Всю зиму мы занимались изучением приемов подачи первой помощи. Бинтовали друг другу руки, ноги, головы, животы, „спасали" утопающих, делали носилки и многое другое. На этих днях мы подытожим пройденное.

Три звена вышли на соревнование. Каждому врач дал задание.

На площадке разложили несколько „раненых". Звенья по очереди перебегали от одного к другому и делали перевязки, останавливали кровотечения, принимали меры против обморока. Все звенья выполнили задания хорошо. Теперь в походах и лагере мы обеспечены хорошей медицинской помощью.

Алеша Пузыриков

«БОББИ» ОХОТЯТСЯ ЗА ПИОНЕРАМИ

Раннее утро. Солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь молодую зеленую листву. Спокойно, тихо.

Наш отряд идет по длинной аллее Сокольников. Сегодня первая маевка. Сегодня мы разожжем наш первый весенний костер.

Вот полянка. Кругом обступили ее большие ели. Вдали узкой лентой серебрится Яуза. Здесь будет хорошо. Складываем пожитки и кипятим на кострах чай. Как все вкусно. Чай кажется особенно душистым.

Пять минут назад мы были пионерами СССР. Теперь половина из нас толстые „бобби"—полицейские, остальные—заграничные пионеры.

Ребята хотят устроить в лесу митинг. „Бобби" пронюхали о часе начала митинга, но места, где он будет происходить, они не знают. Они делятся на три группы и по разным направлениям углубляются в лес.

Пионеры ничего не подозревают. Петя Семенов, он же Вилли Гер, горячо говорит о пионерах СССР. Наши ребята—они же немецкие пионеры—расселись в кружок и слушают. Несколько поодаль залегли дозорные.

Тихо крадутся „бобби". Затаили дыхание, боятся спугнуть ребят. Эти маленькие „красные дьяволята" должны быть пойманы. Так сказал начальник Бобби Дуд (это Лешка-то — вожатый звена „Буденновец"!). А он шутить не любит.

Кольцо полицейских становится все уже.

— Фр...р...рр!

Тревожный свисток. Пионеры мечутся в разные стороны, пытаясь скрыться. Тщетно. Кольцо замкнулось.

— Ни с места! Рррруки вверх!— гремит голос Бобби Дуда.

На этот раз пионеры пойманы.

Игра увлекла всех. Снова нет ни заграничных ребят, ни толстых „бобби". И даже сам грозный Бобби Дуд превратился в веселого, боевого Лешку, вожатого звена „Буденновец".

Под впечатлением игры живо и ярко проходит беседа старого партийца о маевках в царской России. Вопросы сыплются без конца.

Прогулка кончается соревнованием в стрельбе из малокалиберной винтовки.

Берегитесь, „бобби"! Мы выбиваем 14 очков из 15-ти. А скоро выбьем и все 15!

Устинкин

г. Москва

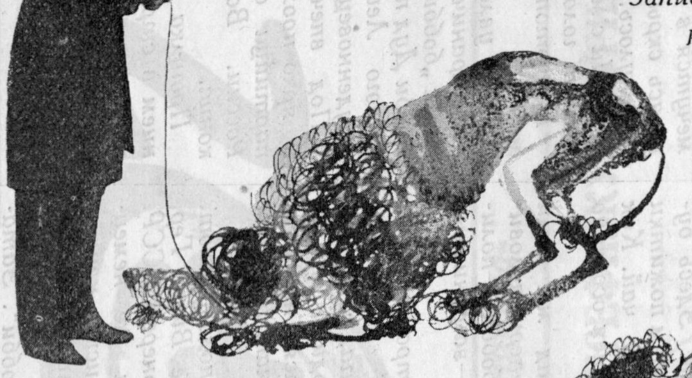
СОБАКА КОРОЛЯ

ПЕСНЯ АНГЛИЙСКИХ ПИОНЕРОВ

Вольный перевод М. Светлова
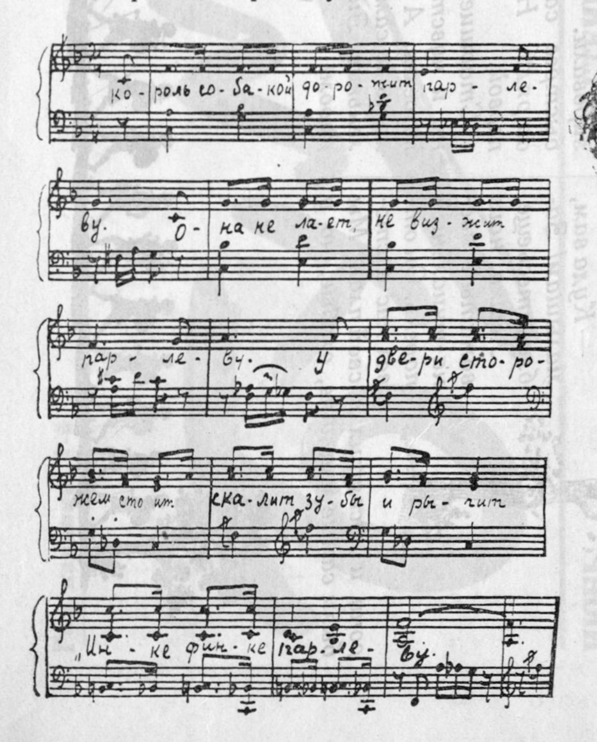
Запись Ал. Русанова

Рис. А. Брея

Король собакой дорожит,
Пар-ле-ву.
Она не лает, не визжит,
Пар-ле-ву.
У двери сторожем стоит,
Скалит зубы и рычит.
Инке-финке, пар-ле-ву...

Король—отменный друг собак,
Пар-ле-ву.
Своей собаке выдал фрак,
Пар-ле-ву.
Во фраке, гордо подняв нос,
Важно ходит царский пес.
Инке-финке, пар-ле-ву...

Бессменный страж дворцовых
стен—Пар-ле-ву,
Стоит собака-джентльмен,
Пар-ле-ву,
И скалит острые клыки:
Берегитесь бедняки.
Инке-финке, пар-ле-ву...

Король стареет от забот,
Пар-ле-ву:
Его собачья участь ждет,
Пар-ле-ву,
Висеть придется им вдвоем—
Собаке вместе с королем.
Инке-финке, пар-ле-ву...

Дорогая Надежда Константиновна!

ПИСЬМО КИЕВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ Н. К. КРУПСКОЙ

Киев. 30 апреля 1926 г.

Дорогая бабушка

Надежда Константиновна!

Вы живете от нас очень далеко, но мы знаем, что вы заботитесь о детях, как дедушка Ильич.

Когда мы говорили о жизни дедушки Ильича, то решили исполнить его завет — вступить в борьбу с беспризорностью. Но как? Предложения были разные. Мы единогласно остановились на одном.

В I триместре у нас было очень много интересных работ, и мы решили издать первую нашу книгу с тем, чтобы весь доход от нее поступил бы в помощь беспризорным.

Книга свое дело сделала. Ее читали родители наших ребят, вносили кто сколько мог, но не меньше 15 коп. Таким образом наша редколлегия собрала 18 рублей.

На собранные деньги мы купили материю и сами сшили 11 рубах, которые сегодня, 30 апреля, отнесли в клуб беспризорных, и, наверное, 1 мая они будут щеголять в наших самодельных рубахах.

Посылаем вам эту книгу и просим ее прочесть.

Нам в школе очень весело, и мы ее любим. Некоторые товарищи говорят, что им будет сниться во время ожидания ваш ответ.

Коллектив 2-й группы 43 трудшколы

К письму была приложена книжка, иллюстрированная рисунками ребят. Одна из матерей отпечатала книжку в нескольких экземплярах на пишущей машинке. Надежда Константиновна прислала детям такой ответ:

12 мая 1926 года. Москва

Дорогие ребята! Получила ваше письмо и книжку. Видать, вы над книжкой немало поработали.

Когда читаешь вашу книжку, видишь, какая разница между старой школой и новой.

Когда мне было 11 лет, я была в гимназии. Мы целый год писали изложение описания добывания соли. На уроках грамматики щипали друг друга, чтоб не заснуть. А шить учились, подрубая ни на что не нужный кусок полотна.

Ну вот, когда читаешь вашу книжку, невольно думаешь, как славно и как многому учатся теперь наши ребята.

Н. К. Крупская в 8-летнем возрасте

Пожалуй, и вправду сумеете устроить всю жизнь по-новому, так, чтобы всем жилось хорошо.

Вашу книжку я показывала многим, — посылаю 10 рублей собранных денег.

Посылаю вам также свою детскую карточку. Было мне тогда лет восемь. Жила я в Киеве на Прорезной и ходила учиться на Крещатик. Хулиганка тогда была порядочная.

Ну, до свиданья ребята! Хорошо, что о других ребятах заботитесь. Пишите иногда.

Н. Крупская

Дети этой группы, по сведениям киевских газет, продолжали свою работу для беспризорных. Они подговорили и другие группы школы собирать в общую кассу деньги для беспризорных. На эти деньги вместе с присланными Н. К. Крупской они заарендовали кусок земли, на нем устроили огород и все лето работали на нем. Затем продали свои овощи, и на вырученные деньги школа взяла на свое содержание одного беспризорного ребенка.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ КОЧЕВНИКОВ ВОЛОДЯ ФЕДОСЕЙЧИКОВ

Перед лагерем хорошо, если отдельные звенья выедут в поход с ночевкой. Ночевка должна приучить ребят к походной жизни и покажет неопытному звену, как удобнее укладывать вещи в мешок, как плохо в походе без ножа, как нехорошо есть картошку без соли и многое другое. Звено „Красный Пионер“—не очень опытное звено, и знания Володи Федосейчикова ему немного помогли. Впрочем, Володя не так уж много знает, как это кажется на первый взгляд.

Мы долго думали: куда бы устроить вылазку с ночевкой. Коля Солнцев предлагал на Алтай, Володя Федосейчиков—на Урал, Олег Черный—в рязанские болота. Соображали мы, соображали: ничего не получается—на Алтай ехать неделя, на Урал—два дня, в Рязань, правда,—часов шесть. Да что там хорошего—в болотах грязь одна.

Решили выехать близко: сначала на трамвае, а потом пешком, до какого-нибудь дремучего леса с озером.

Сказано—сделано. В субботу, в четыре часа, сели мы на трамвай, ехали, ехали и доехали до самого конца концов; оказалось на вид даже подальше Алтая.

Из трамвая вышли в организованном порядке. Коля Булкин передал команду Володе Федосейчикову, как более опытному в таких делах. Во всяком случае Володька говорил, что он зимой на лыжах кругом Москвы обошел и не заблудился. Так что Москву, Алтай и прочие местности он знает здорово.

Шли, мы тоже очень долго. Еще дольше, чем на трамвае ездили. Солнце зашло, стало темнеть. Мы шли по дороге между редкими кустами. С каждым шагом становилось темней и темней, кусты гуще и гуще, пока ничего не стало видно, а кусты превратились в дремучий лес. И чем дальше, тем дремучее и дремучее. Совсем чаща и так темно, что деревьев не видно. Кроме того, было пыльно и хотелось чихать.

Сережка зашлепал по какой-то воде.

— Ребята!—вскрикнул Сережка,—до моря дошли!

Володька попробовал воду на вкус.

— Дурак!—сказал он Сережке, в таких случаях он всегда называл Сережку дураком,—это не море, а внутреннее озеро, потому что вода в нем совершенно пресная.

Мы согласились с Володькой, потому что нам было все равно, море это или озеро.

— Привал на ночлег!—скомандовал Володя.

Мы зажгли фонарь, достали „Пионер“ и стали по „Звеноскопу“ разбивать палатку, но до палатки еще мы разбили какую-то посуду. Палатки стали разбивать две: для ребят и для девочек. Они для себя, мы для себя.

Специалистов по палаткам у нас оказалось два: Коля Солнцев и Володька; пока они советовались и спорили, девочки свою палатку разбили и, надо правду сказать, довольно аккуратно. Мы тоже разбили, но уже потом.

Стали собирать сучья для костра, целую гору натаскали. Только собрались зажигать, вдруг вспомнили—спичек не захватили. Было очень досадно, но делать нечего. В этой чаще спички были разве только у медведей, а к медведям за спичками нам итти не хотелось.

Так и заснули, поевши всухомятку, среди дремучего леса, на берегу великого озера, в близком соседстве с медведями, которые

живут в берлогах, и должно быть, без каких бы то ни было спичек.

Мне снилось, будто огромный южно-американский кондор клюет меня в левую пятку, мне было жарко и неприятно, я решил проснуться.

Действительно, меня кто-то клевал в левую пятку. Я решил не шевелиться, вдруг шевельнешься, а оно тебя с'ест. Вокруг палатки был слышен странный шум, как-будто лошадиное ржание, кудахтанье курицы, какие-то крики, фырканье и человечьи голоса. Человечьи голоса были довольно злые. Я прислушался. Определенно говорилось про дураков и про палатку. Я разбудил ребят, и мы выглянули из палатки.

На нас наехала лошадь, какой-то человек в стоптанных ботинках кричал на нас диким голосом, цыпленок клевал мою пятку, вдали гуляли дачники, а на дороге фыркал автомобиль.

Где дремучий лес, где озеро, где медведи? Какие там медведи,— наша палатка стояла посреди дороги на берегу лужи, оставшейся от позавчерашнего дождя.

Вот тебе и Алтай, вот тебе и Урал, нет уж лучше рязанские болота!

Володя Федосейчиков покраснел и стал вылезать из палатки. Ему было неловко, нам тоже.

Делать, однако, нечего: мы вылезли, кое-как свернули палатки не по-звеновскому, а просто оттащили их в сторону и, усевшись вокруг своих вещей, стали думать.

Весь день лежал перед нами, как на ладошке. Было только девять часов утра. Мы разложили костер не посреди дороги, а в сторонке. Спички мы достали у прохожих. Пока чайник вскипел, мы успели выкупаться.

Я захотел вынуть из вещевого мешка свой стакан, — не в ладонях же чай пить. Стакан я уложил вместе с зубной щеткой и мылом на самое дно мешка, сверху лежал молоток, а на самом верху одеяло. Молоток я захватил неизвестно для чего, кажется, вместо топора. Когда я добрался до стакана, он оказался разбитым. Это мы вчера его разбили (а я-то думал, что он у меня до Северного полюса доедет и не разобьется).

Володька, спокойно потягивая чай из кружки с ручкой, доказывал мне, что, во-первых, нельзя класть нужные вещи в самый низ вещевого мешка; во-вторых, нельзя в поход брать с собою стакан; из него пить неудобно—обжигаться будешь; в-третьих, раз уж взял стакан, то не надо было разбивать его.

Я был очень зол, главным образом потому, что все это было совершенно верно.

Вношу предложение обучить все звено укладыванию вещей в мешок под руководством уважаемого профессора В. М. Федосейчикова.

Мое предложение приняли. Его и нельзя было не принять, потому что ползвена вынимало из своих мешков осколки разбитых стаканов. В эти ползвена входили: Б. Бобкинс, Юля, Сережка, Маруся, Коля Шамет и сам вожатый звена Коля Булкин.

Впрочем, Коля Шамет, как всегда, очень горячо уверял всех, что он нарочно разбил свой стакан, чтобы было ровно пять разбитых стаканов.

Почему ему так понравилось это количество, мы не знаем, а он сам не сказал.

Коротко опишу, что мы делали дальше.

Володя Федосейчиков медленно выпил свой чай, и пока я, торопясь и захлебываясь, глотал свою порцию, он показывал всему звену, как нужно укладывать вещи в мешок.

После этого мы ушли подальше от проезжей дороги. Потом под руководством Володьки стали строить шалаш на случай дождя. Шалаш мы построили величественный. Чтобы он не протекал, Коля Шамет наложил на него много веток и хвороста; в шалаше стало совсем темно и он рухнул с грохотом. Грохот, впрочем, был от другой причины: Коля Шамет свалился с дерева.

Шалаш поправили, а дождя нет, как нет. Какой смысл сидеть в шалаше, когда дождя нет, мы было собрались его разбирать. Вдруг Коля Шамет предложил устроить шалашу „испытание водой". Мы согласились. Разобрали палатку и в полотнище набрали воды из речки, потом мы с Шаметом пригласили всех войти в шалаш и с большим трудом вылили на крышу воду. Шалаш оказался плохой: вода не удержалась на крыше из веток и протекла на все звено, сидевшее в шалаше. Сделалась большая лужа, и все из шалаша вылезли.

Тут этот самый долгожданный дождь и пришел.

В шалаше было мокро, палатка разобрана, все мокли под дождем и ругали Володю Федосейчикова и немного нас с Шаметом. От брани не стало суше, но было неприятно.

Хорошо, что дождь быстро прошел и выглянуло солнце, такое горячее, что оно в десять минут высушило и нас, и нашу палатку, и даже лужу под шалашом. Не высох только один сахар, который рассыпался и растаял.

После приключения с шалашом мы играли в разные игры, потом варили кашу в котелке. Только каша подгорела и вывалилась в огонь, потому что мы подвесили котелок слишком близко к огню.

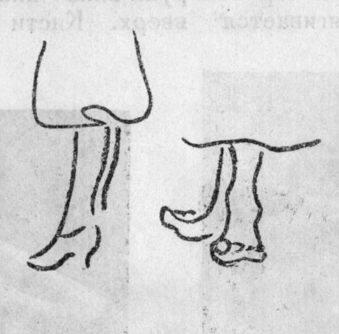
Немного каши все-таки осталось в котелке и, хотя она была темно-коричневого цвета, мы ее с удовольствием с'ели. А Коля Шамет даже уверял нас, что это не каша, а густой горячий шоколад, только без сахара.

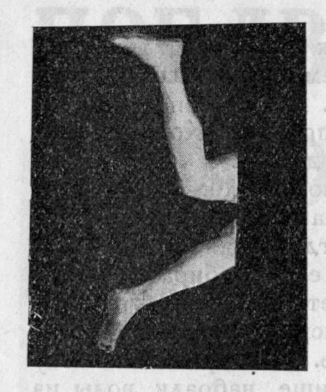
Сережа Федосейчиков, наоборот, сказал нам, что каша очень похожа на столярный клей, которым склеивают не то доски, не то еще что. И, кроме того, он сказал еще, что обыкновенно столярный клей продается в плитках. Тогда я предложил в будущие походы брать с собой по две плитки клея, растворять его в горячей воде и кушать. Коля Булкин долго смеялся и сказал мне, чтобы я утром ел обойные гвозди.

А я не хочу.

К вечеру мы возвращались домой на трамвае, который был, оказывается, очень близко. Билеты у кондуктора брал и платил за них Володя Федосейчиков—предводитель кочевников.

Положение ног

ОТ КАМЧАТКИ ДО БАКУ БУДЕМ ПЛАВАТЬ НА БОКУ

А. М.

После того, как вы научились плавать „лягушкой" (об этом мы писали в прошлом номере „Пионера"), учитесь плавать на боку. Этот стиль называется „оверарм" („over arm"). Он очень прост и дает хорошую быстроту.

Плавать можно на любом боку, но лучше на правом, т. к. в этом положении на сердце не давят внутренние органы. Для удобства описания я буду называть руки и ноги не левой или правой, а нижней или верхней.

НАЧАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Нижняя рука вытянута вперед, верхняя лежит вдоль корпуса; ноги сложены вместе; верхняя ступня наложена на нижнюю.

Из этого положения нижняя рука опускается вниз и делает загребательное движение. Рука, опускаясь прямой линией, доходит до корпуса, касаясь кистью бедра нижней ноги. В это время верхняя рука заносится согнутой в ненапряженном состоянии, как это показано на рисунке, вперед, где выпрямляется и начинает делать загребательное движение, опускаясь вниз.

ЧТО ДЕЛАЮТ РУКИ

Движение рук должно быть попеременным с таким расчетом, чтобы в то время, как одна рука делает загребание, другая в это время не спеша подготавливается к работе, чтобы, отдохнув, начать грести.

Загребательное движение делается руками без перерыва, что дает постоянное продвижение корпусу. Руки делают маленькую паузу в своей работе, лишь находясь в начальном положении. В это время ноги, сводясь вместе, дают продвижение корпусу.

НИЖНЯЯ РУКА

Особенно сложна работа нижней руки. Она находится постоянно под водой и во время обратного движения при неправильном

Рука заносится согнутой

исполнении может сильно тормозить. Опишем движение этой руки более подробно.

КИСТИ ЛОДОЧКОЙ

Делая загребание, рука доходит кистью до бедра, здесь она сгибается в локте и кисть проводится ладонью к себе, вверх к нижнему уху. После этого рука вытягивается вверх и ладонь поворачивается вниз. Запомните еще раз: когда верхняя рука начинает погружаться в воду, нижняя кончает загребать. По мере продвижения верхней руки вниз—нижняя вытягивается вверх. Кисти во время загребания сложены лодочкой.

Выучив движение рук, начинают упражнять ноги.

При работе верхняя нога постоянно отводится слегка согнутой в колене вперед, нижняя отводится тоже согнутой в колене назад.

ЧТО ДЕЛАЮТ НОГИ

Это движение—разведение ног для подготовки загребательного движения—делается медленно, как и все движения такого характера. После разведения ноги выпрямляются и резко сводятся прямыми вместе до соединения ступней.

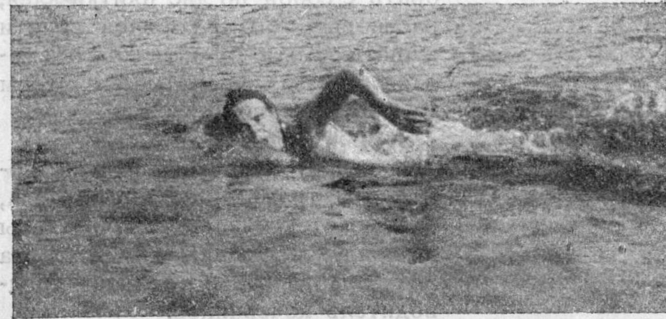
ТЕПЕРЬ ПОПРОБУЕМ ВМЕСТЕ

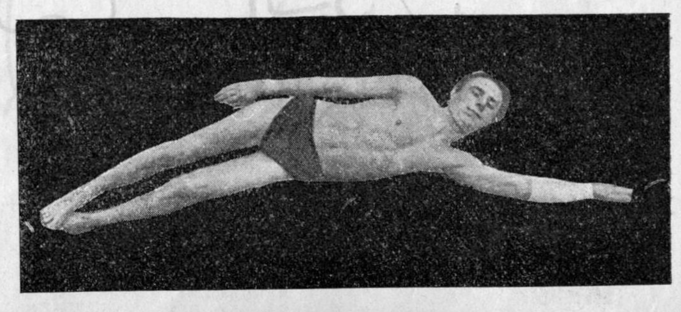
Выучив движение ног, начинают разучивать работу рук и ног вместе. Здесь уже главным будет умение соединить (координировать) порядок движений в одно целое, целесообразное, плавательное движение. Для этого нужно сделать так: во время загребания верхней руки, когда нижняя рука вытягивается вверх, ноги разводятся в стороны.

После сделанных движений руки приходят в исходное положение, во время которого и делается сведение ног, после чего ноги некоторое время остаются вытянутыми, хотя уже руки начали работу.

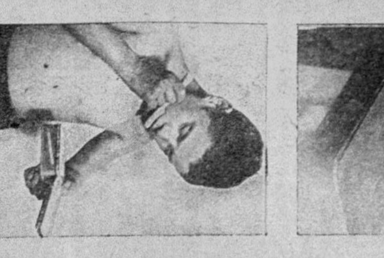
ГОЛОВА

Голова во все время плавания лежит спокойно на воде (см. рис.). Во время проведения верхней руки по воздуху делается неспеша глубокий вздох, за которым после паузы следует выдох.

Голова спокойно лежит на воде

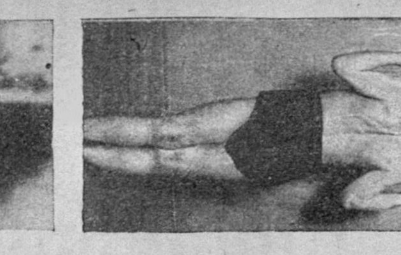
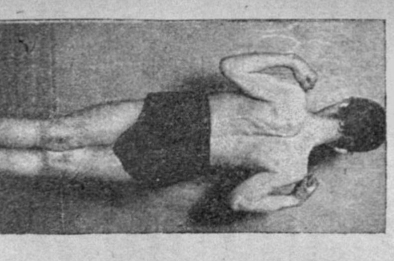

Начальное положение

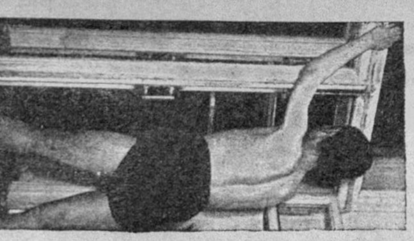
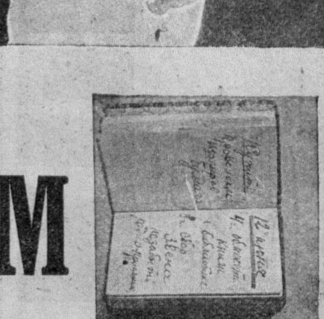

МОЙ ДЕНЬ ЛЕТОМ

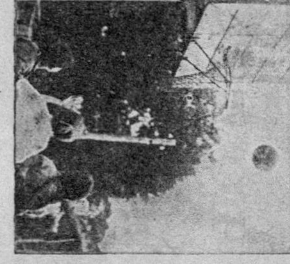

В ДЕВЯТНАДЦАТИ ФОТОГРАФИЯХ

ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ ЛЕТОМ, ЧТОБЫ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ

ЗВЕНОСКОП

ЧТО ДЕЛАЕТ ПОМОЩНИК ВОЖАТОГО

Помощник вожатого в звене должен обладать теми же качествами, что и вожатый. Это и понятно. Вожатый вместе со своим помощником планирует всю работу и проводит ее. В отсутствие вожатого его заменяет помощник.

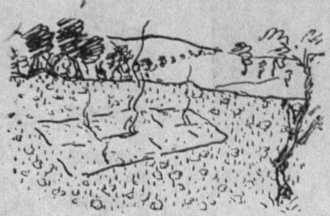
Вожатый и помощник работают вместе. Так должно быть, но так не всегда бывает. Обычно вожатый забирает себе всю работу, а своему помощнику дает незначительные задания, а потом сам жалуется на перегрузку.

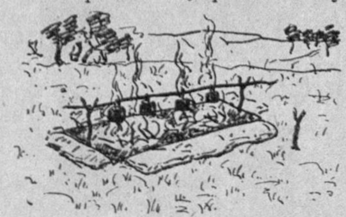
Вожатый должен всегда помнить о том, что помощник рано или поздно заменит его, и строить всю работу так, чтобы последний научился лучше руководить звеном.

Переизбирайте помощников почаще. Пусть они даже сменяются через каждые 3—4 сбора, зато все ребята будут учиться организовывать работу. Совместная работа вожатого и помощника дает хорошие результаты. Прорабатывайте план сбора, распределяйте заранее—кто что будет делать и за что ответственен, и у вас никогда не будет перебоев и провалов в работе.

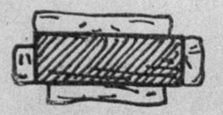
КОСТЕР ДЛЯ ВАРКИ ПИЩИ

Выройте прямоугольник длиною в 1 метр, шириною в 40 см. и глубиной в 15—20 см. (3/4 лопаты). Дерн режется ровными кусками и складывается равномерно по краям ямы, травой книзу.

Вырубите три развилки высотой в 70 — 75 см. и вбейте их как показано на рисунке. Третья развилка нужна для того, чтобы отводить палку с котелком в сторону от огня для удобства приготовления пищи. Палка, на которой будут висеть котелки, должна быть достаточно толстой (4—5 см.) и сырой.

Указанные размеры костра достаточны для 5—6 котелков. Можно делать костер меньше или больше.

Как уничтожить следы от костра

Запомните раз навсегда: никаких следов от костра не должно оставаться. Ни в коем случае нельзя разводить костер прямо на землю, не вырыв ямку, во избежание пожара. Чтобы зарыть костер, достаточно снова перевернуть дернины, лежащие по краям костра, и положить их на место. Через пару дней вы не найдете никаких следов. Развилки выдерните и бросьте в кусты. Остатки хвороста также отнесите в чащу леса.

КАК ШНУРОВАТЬ БАТИНКИ

Один конец шнурка завязывается узлом под нижней наружной дыркой, затем шнурок продергивается наверху к внутренней нижней дырке, протягивается понизу к верхней дырке. Заштрихованная часть шнурка показывает части его, не видные снаружи.

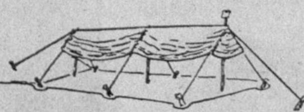
ЗВЕНОВАЯ ПАЛАТКА

(Окончание)

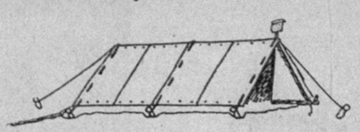

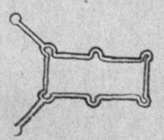
7. Веревка привязывается к колышку запепкой, при этом край полотнища не закрепляется совершенно. Он закрепляется уж после этого простым бантиком. Это дает возможность быстро поднимать полотнища для проветривания палатки.

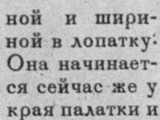
8. Задняя стенка палатки сшивается наглухо. Угловая стойка

находится внутри палатки Передний треугольник сшивается с одной стороны, другие стороны висят свободно. Привяжите по краям входного полотнища две палки, и у вас получится прекрасная дверь. Угловая стойка находится снаружи палатки.

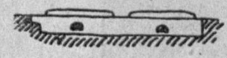

9. Кругом палатки сделайте канавку с отводами для воды. Канавка делается глубиной и шириной в лопатку. Она начинается сейчас же у края палатки и идет слегка наклонно, являясь как бы продолжением ската палатки.

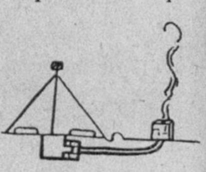

Если вы хотите остаться на бивуаке еще пару дней, не поленитесь и усовершенствуйте палатку. Выройте посередине небольшой ровик, глубиной до колена и шириной в 40 см. Это будет проход. У входа сделайте две земляные ступеньки и укрепите их кольями, чтобы не осыпалась земля. Ступеньки делаются внутри палатки, иначе вода будет заливаться в проход. Часть входа загородите небольшим плетнем. Можно сделать небольшой порог из доски или обрубка дерева.

Постели делаются направо и налево от прохода. В усовершенствованной палатке на каждое полотнище (не считая боковых) приходится по одному человеку. Следовательно, в нашей палатке из 6 полотнищ очень удобно устроятся 4 человека. Можно поставить палатку и из 8, 10, 12, 16 полотнищ.

В большой палатке можно устроить камин, использовав место одной из кроватей. Устройство его ясно видно на рисунке. Труба делается из дерна и обмазывается глиной. Отведите ее подальше от палатки. Камин уничтожит всякую сырость в палатке и вечером будет создавать приятную обстановку.

Для ботинок выройте небольшие ямочки.

Чтобы не поддувало в палатку, обложите края изнутри дерном.

Как делается постель, укажем в следующем „Звеноскопе“.

Некоторые указания

1) Ежедневно поднимайте полы палатки кверху на несколько

часов для проветривания палатки.

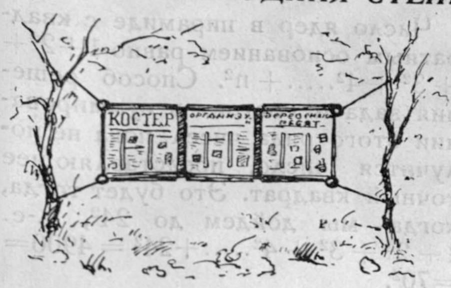
2) Перед дождем ослабляйте веревки. При намокании они укорачиваются и колышки могут выскочить.

3) Во время дождя не прикасайтесь к полотнищам—они будут протекать в местах прикосновения. В крайнем случае проведите пальцем по палатке изнутри от того места, где промокает, донизу.

4) Не разбивайте палатки под деревьями. Пройдет дождь, а капли еще долго будут барабанить по полотнищам.

5) Ставьте палатку на высоком, сухом месте или на небольшом склоне.

ПОХОДНАЯ СТЕНГАЗЕТА

В походе некогда заниматься выпуском обычной стенной газеты. Она слишком громоздка. Не успеешь разложить на траву бумагу, кисти, краски, как уже нужно подниматься и трогаться в дальнейший путь. А то дождь начнет накрапывать. Ну, скажите, куда денешься с этой огромной бумажной простыней?

А без газеты в походе обойтись трудно. Поход дает много нового, интересного, и этим хочется поделиться друг с другом.

В походе, как нигде, выявляются люди, их характер, привычки, отношения к товарищам. Газета многое может сделать для исправления недостатков отдельных ребят, для сплочения всего коллектива.

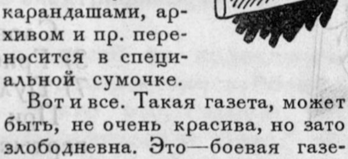
При посещении деревень, сел мы делаем более продолжительные остановки для работы с крестьянскими ребятами. Через стенную газету мы поделимся с ними, да и со всем взрослым населением деревни нашими успехами и расскажем им о пионерской жизни.

Словом, без газеты в походе обойтись трудно.

Какие же требования мы предъявим походной газете? Требование одно: быстрота выпуска.

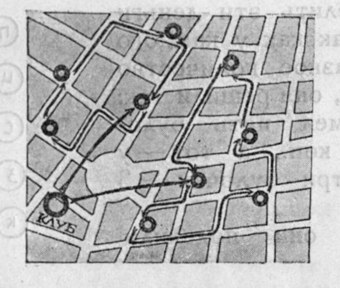
Этому требованию с успехом может удовлетворить фанерная конструкция газеты типа „Ильичевки". На наших рисунках мы даем образец — испытайте-ка у себя в отряде.

Остов для такой газеты составляется из 2—4 фанерок, склеенных полосками материи. Фанерка разграфлена на колонки, которые делаются из толстого картона или узеньких полосочек фанеры. Полоски эти сделаны так, чтобы в них могла вставляться заметка. Можно делать газету и без этих колонок, но тогда заметки придется прикреплять кнопками.

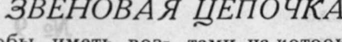
Заметки пишутся простым или лучше цветными карандашами, каждая на отдельном листке бумаги. Бумага нарезается заранее по размеру колонок. Перепиской газеты могут сразу заниматься несколько человек.

Выпускается такая газета очень быстро — в 1—1½ часа. Члены редколлегии непрерывно снабжают участников похода бумагой для писания заметок. Заметки могут писаться на коротких привалах. На большом привале заметки переписываются (а может быть, даже и в этом надобность отпадет), вставляются в рамки, и походная газета вывешивается на заборе или между двумя деревьями. Газета с бумагой, карандашами, архивом и пр. переносится в специальной сумочке.

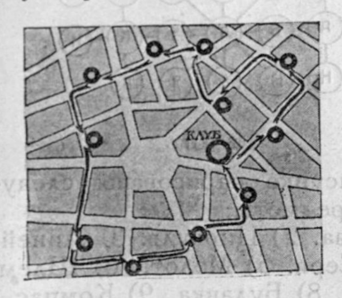
Вот и все. Такая газета, может быть, не очень красива, но зато злободневна. Это—боевая газета, которая откликается моментально на все происходящее в походе.

ЗВЕНОВАЯ ЦЕПОЧКА

Для того, чтобы иметь возможность в любое время собрать звено, устройте цепочку.

Узнайте точные адреса друг друга. Отметьте кружками на карте (перерисуйте ее, хотя бы грубо, с плана города) места, где живут пионеры звена. Соедините эти кружки замкнутой линией, которая пройдет через клуб отряда.

В звеновом уголке должна всегда висеть небольшая сумочка, в которой имеется план цепочки с адресами ребят и несколько листиков с трафаретами, на которых написано: кому идет депеша, куда и когда надо собраться и зачем, что захватить с собой, время отправки и кто послал депешу.

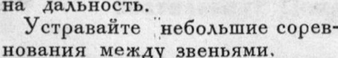
Если вожатому нужно собрать свое звено, он заполняет трафаретки и относит сумочку в первое звено цепи. Пионер, получивший депешу и сумочку, идет к следующему пионеру и, передав ему сумку и депешу, сам идет в клуб (если нужно собраться тотчас же) и т. д. Если пионер не застает того, кому он должен передать депешу, он оставляет ее у него дома, а сам идет к следующему пионеру.

Другой, более быстрый способ сбора звена состоит в следующем. Вожатый звена звонит из клуба 2—3 пионерам, имеющим телефон. Те сообщают содержание депеши ребятам, которые живут поблизости.

Порядок передачи депеши как в первом, так и во втором случаях вырабатывается заранее.

КАК СДЕЛАТЬ ДРОТИК

Дротик—это простая палка длиною в 150 см. и толщиной в 1½—2 см. (к концу она утоньшается). Палка должна быть прямой. Лучше всего подойдет сухая ель, которая растет в чаще леса. Передний конец дротика заостряется, чтоб он мог втыкаться в щель. Найдите место равновесия в дротике и обмотайте его тонкой бечевкой. За это место вы будете держать дротик при метании. Мишенью может служить куча земли, дерна, мешок набитый мхом.

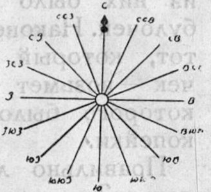
Метать дротик можно на меткость с 10—15 шагов, постепенно увеличивая расстояние, и на дальность.

Устраивайте небольшие соревнования между звеньями.

Компас

Компас представляет из себя медную коробку, в которой на острие помещается намагниченная стрелка, вороненый конец которой указывает север, другой юг. Чтобы острие не тупилось, необходимо после употребления компаса ставить его на предохранитель (арретир), который помещается в боковой стенке компаса.

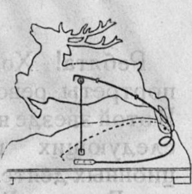

Чтобы ориентировать план по компасу, надо план повернуть так, чтобы его линии юг—север совпадали или были параллельны стрелке компаса (на картах север обозначается верхней стороной, а на планах обыкновенно стрелкой с юга на север). На рисунке показаны точки компаса—запомните их.

Раненый олень

В прошлом номере „Звеноскопа" мы указали, как сделать мишень с выскакивающим после удачного выстрела красноармейцем.

Едва ли не интересней убиваемый олень, представленный на нашем рисунке с оборотной стороны. Его пружинка пригибает выпиленную фигуру оленя книзу: в свободном состоянии пружина располагается по пунктиру. Она укреплена на подставке и двумя скобками к оленю, который в свою очередь держится на одном гвоздике (справа). В центре фигуры отверстие и в нем втулка, укрепленная на стержне, могущем от удара пули отклоняться назад.

Олень на своей пружине приподнимается рукой, втулкой вставляется в отверстие,—тогда он сохраняет такое положение, как на рисунке. Стоит пуле, попавшей в цель, выбить втулку из отверстия, пружина тянет оленя вниз,—он начинает колебаться и дрожать, как раненый.

Подвижных мишеней для стрельбы можно, конечно, придумать сколько угодно: была бы охота этим заняться. А заняться этим мы советуем. Чем больше и разнообразнее обставлен тир, тем занятнее и увлекательнее стрельба.

Чей нос?

Возьмите лист фанеры, немножко выше роста пионера и нарисуйте на нем фигуру. Вместо носа оставьте отверстие. Пусть пионеры другого звена будут по очереди подходить сзади к фанере и показывать свой нос в отверстие. Отгадывайте—чьи эти носы.

Скрадывание зверя

Игра проводится на полянке или в редком лесу. Из среды играющих выбирается зверь. Он садится посредине полянки. Ему закрывают глаза платком. Остальные, изображающие охотников, расходятся в разные стороны от зверя на 20—30 шагов.

Игра начинается по сигналу вожатого. Охотники тихонько крадутся к зверю, стараясь дойти до него за три шага, обойти кругом и хлопнуть по плечу.

Зверь чутко прислушивается к каждому шороху. Если ему показалось, что где-то кто-то идет, он говорит „стой" (или свистит в свисток) и показывает рукой в том направлении, откуда слышен шум. Если он укажет на кого-либо из играющих, тот считается убитым и должен снова начинать подкрадываться с исходного положения. Если же он ошибется, вожатый говорит ему „ошибся" и игра продолжается. Выигрывает тот, кому удастся дойти до зверя, обойти его кругом и стукнуть по плечу. Победитель становится зверем.

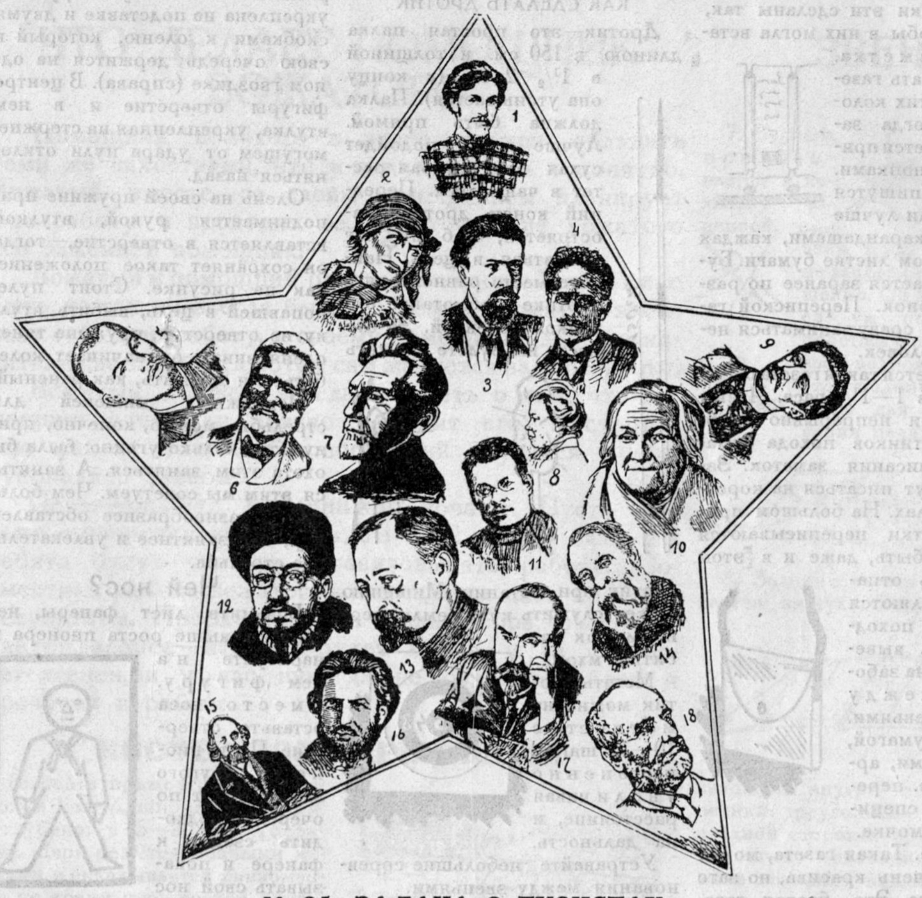
Эта игра великолепно развивает слух.

ОТГАДАЙ

№ 34. ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

Ребята! Хорошо ли вы знаете портреты революционных вождей? В этой звезде нарисованы портреты следующих виднейших революционных деятелей: Бакунина, Бебеля, Бланки, Варлена, Делеклюза, Дзержинского, Кибальчича, Лассаля, Ленина, Либкхнета, Марата, Плеханова, Рудзутака, Ульянова, Свердлова, Халтурина, Цеткиной, Энгельса.

Узнаете ли вы их?

№ 35. ЗАДАЧА О ТУРИСТАХ

Два туриста по Кавказским горам присели немного отдохнуть и закусить. Один вытащил из своего дорожного мешка пять булочек, а другой три. Только, было, они хотели приняться за еду, как к ним подошел незнакомый путешественник и сказал: „Товарищи, я потерял свой дорожный мешок с провиантом, когда взбирался на скалу. Я очень проголодался, хочу есть, а здесь поблизости негде купить чего-нибудь. Не будете ли добры уступить мне немного хлеба. Я вам заплачу за него“. Туристы согласились, и сложив весь хлеб вместе, разделили его на равные части. После завтрака третий турист заплатил первым 8 копеек. Два друга не знали, как разделить эти деньги между собою, так как у каждого из них было разное количество булочек. Наконец, они решили так: тот, который имел пять булочек — возьмет 5 коп., а тот — у которого было три булочки — 3 копейки.

Правильно ли они поделили деньги?

№ 36. ЗАДАЧА

Один пионер купил яблоко, 2 коробки спичек, карандаш, записную книжку и перочинный нож.

За яблоко он заплатил в $3^1/_3$ раза дороже, чем за спички, за карандаш в полтора раза дороже, чем за яблоко, за записную книжку вдвое дороже, чем за яблоко и карандаш вместе, а за перочинный нож столько же, сколько у него осталось.

А осталось бы у него вчетверо меньше, чем стоит подписка на „Пионер“ на год, если бы он не потерял пятой части стоимости записной книжки.

Сколько денег было у пионера и сколько он истратил, если спички он купил по установленной (стандартной) цене.

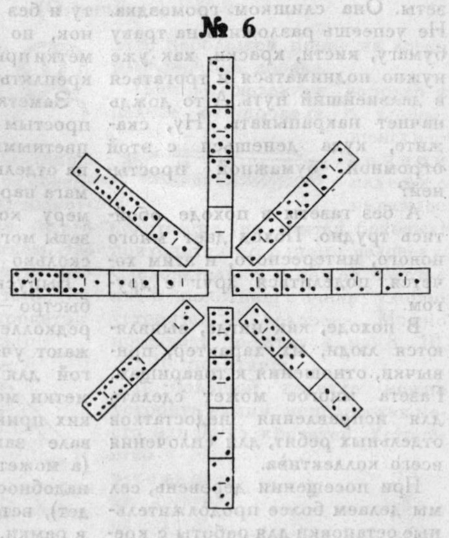
РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 4 и 5 «ПИОНЕРА»

№ 5

Число ядер в пирамиде с квадратным основанием равно $1+2^2+3^2+4^2\ldots..+n^2$. Способ решения задачи состоит в суммировании этого ряда чисел, пока не получится число, представляющее точный квадрат. Это будет тогда, когда мы дойдем до 24^2, т.-е. $1+2^2+3^2+4^2\ldots..+24^2=4900=70^2$.

Следовательно, в пирамиде было 4900 ядер.

№ 6

№ 7

Август.

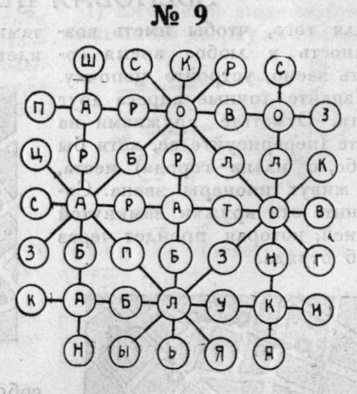
№ 8

Слова: 1) Лена. 2) Шпиц. 3) Гриб. 4) Вера. 5) Тюль. 6) Бинт. 7) Пуля. 8) Рука.

При чтении букв после перевертывания колец по периферии, получается лозунг:

„Наш привет юбиляру“.

№ 9

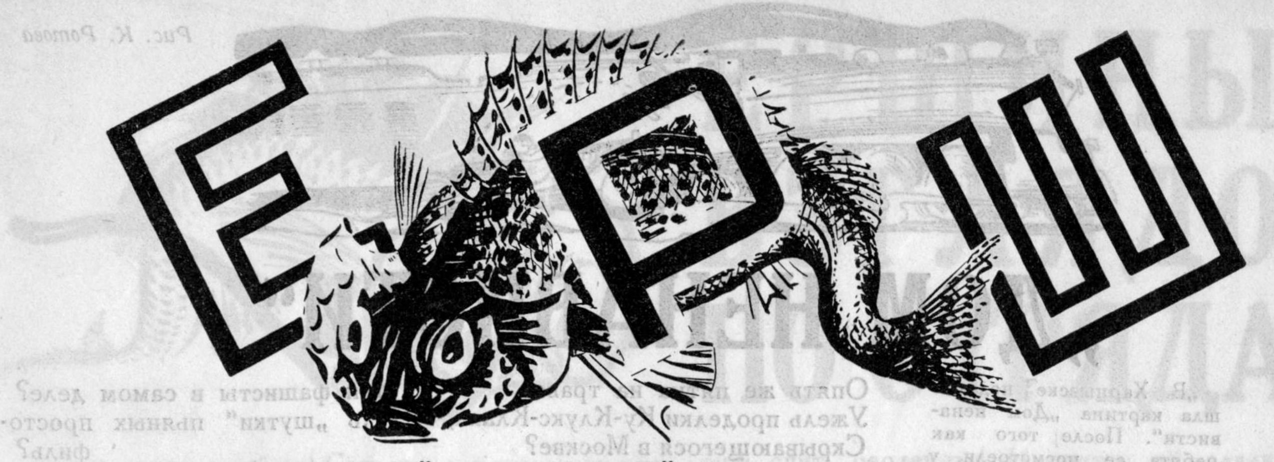
№ 10

На рисунке нарисованы следующие предметы:

1) Ваза. 2) Циркуль. 3) Линейка. 4) Серп. 5) Молот. 6) Шлем. 7) Ядро. 8) Булавка. 9) Компас.

Взяв по одной букве из каждого этого слова, составляется фамилия вождя:

Ворошилов.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

№ 5 ИЮНЬ 1928 г.

ТВЕРДАЯ ЛИНИЯ

С тех пор, как Микишка вступил в отряд, он проводит дома „твердую линию".

1

— Ну чего ты пузом подоконник пролеживаешь? Сам плакался, что уроков в день столько задают, что и в неделю не переучишь. Вчера на школьном совете мне товарищ арифметика и то на тебя жалилась. Отстает, говорит... Садись уроки учить.

Микишка бодро вскакивает с подоконника.

— Всегда готов! Уроки так уроки, мне все равно. А только...

— Ну чего только?

— А как же с докладом быть? Доклад у меня завтра в отряде „Об электрификации и машинизации".

— О, господи!

— Я, мамка, не просто на подоконнике лежу. Я обдумываю. Тоже удовольствие небольшое на докладе провалиться. А кто это, спросят, такой, который по электрификации ничего не знает?—Микишка. А чей этот Микишка?—А это Антонидин сын. Конфузно. А впрочем, уроки так уроки... Всегда готов!

— Лежи, лежи. Да ты бы себе подушечку подложил. Легко ли такое—обдумывать.

2

— Микишка! Сбегай в лавочку, возьми два фунта картошки.

— Всегда готов! Сейчас, вот сандалии надену. А только...

— Ну?

— Да, вишь ты, дело какое. Уж и прямо не знаю как быть. В кооперативе переучет, значит, мне что же, к частнику итти?

— Знамо, к частнику—на углу, за банями, лавка...

— Я, конечно, пойду, мне что? Однако, вхожу я в лавку, а мимо ребята проходят. А кто это, скажут, с такой активностью частную торговлю поощряет?—Микишка. А чей это Микишка?—Антонидин сын. Плохой он пионер, скажут. А впрочем, давай деньги.

— Сиди, сиди. Мне и невдомек... это самое.

3

— Микишка! Глянь-кось, лампочку керосиновую я на рынке купила. Сени у нас темные, электричества нет, каждый вечер синяки себе на тело насаживаешь. Ну-ка, прибей ее над дверями.

— Всегда готов! А только... никак невозможно

— Это почему же?

— Да ты, мамка, подумай. Лампа-то ведь керосиновая?

— Керосиновая.

— То-то и есть. А что к социализму путь? Электрификация. Так?

— Так.

— А, скажем, я ее прибиваю, а вдруг входит какой-нибудь посторонний. А кто это здесь, спросит, наперекор директивам керосинифицирует Красно-Пресненский район?—Микишка, Антонидин сын. Какой же он пионер, раз вместо электрификации он старый быт на стенку приколачивает? А впрочем, давай молоток.

— Что ты, Микишенька... Нешто я такая несознательная? Попрошу Михеича, он приколотит.

4

— Микишка! Выкопал бы ты грядку под морковь.

— Всегда готов! А чем копать?

— Голова садовая! Не знаешь, чем грядки копают? Лопатой.

— Лопатой? Как бы чего не вышло. А ты постановление о машинизации сельского хозяйства читала?

— Где уж мне.

— Я копаю, а проходящие смотрят. А кто это, спросят, вместо трактора-Фордзона таким отсталым способом обработку земли производит?—Антонидин Микишка. Выставить его из отряда в виду его несознательного отношения к тракторизации. А впрочем, выкопать можно. Лопату давай.

— Да что тебе родная мать враг, что ли? Лежи, лежи. Уже как-нибудь управлюсь сама.

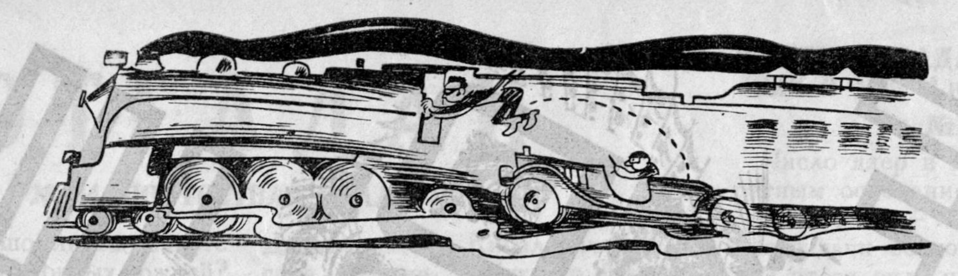
5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и т. д.

И все бы по-хорошему было, да на Микишкину беду мамка с вожатым повстречалась, разговорилась и начала сыном ему похваляться.

— Мой Микишка такой, мой Микишенька эдакий. И того он не делает и этого не делает. Одним словом—ничего не делает.

Неприятности начались. И дома „твердая линия" кончилась и в отряде ребята в оборот взяли.

Рис. К. Ротова

„ДОМ НЕНАВИСТИ“

„В Харцызске, недавно шла картина „Дом ненависти“. После того как ребята ее посмотрели, у нас в школе, а особенно в пионерском клубе было что-то кошмарное. Ребята одели маски, пугали друг друга и затем передрались“.

Из письма

Итак сочтем единым разом:
Разбитый стол, разбитый стул,
Четыре фонаря под глазом,
Двенадцать вывернутых скул,
Четыре сломанные двери,
Шестнадцать содранных гардин
И порванных по меньшей мере
Не меньше двадцати штанин...
Нечисто!.. Пахнет чьим-то
планом!

Опять же пятна на траве.
Ужель проделки Ку-Клукс-Клана,
Скрывающегося в Москве?

Или фашисты в самом деле?
Иль „шутки“ пьяных простофиль?

Нет, просто дети поглядели
Очередную „гаррипиль“.

Отсюда синяки на лицах,
И крик, и драка, и содом,
И не заметишь, как детдом
В „дом ненависти“ превратится:
В том доме знаний не дано,
Но скулы здорово дробят там...
. . . .
А знаете ли вы, ребята,
Что это вовсе не смешно?

Арго

КТО ПРАВ?

Коле 12 лет, Пете 13. Коля брюнет, Петя главным образом рыжий. Ничего общего между ними нет. Ребята их сразу определили и ярлыки им наклеили. Колю прозвали „Увалень“, а Петю „Активист“. С виду так оно и есть.

Приходит как-то Активист к Увальню и бросается в отчаянии на стул.

— Не могу! Не могу больше! Из сил выбился!

Увалень спокойно цедит, как-будто у него во рту вместо слов леденцы и их выпускать изо рта жалко.

— В чем... дело?..

— А в том, что какой-то, как говорится, дурак просто-напросто нам, так сказать, жизнь испортил.

— Чем именно?

— А именно — выдумал, что в сутках должно быть 24 часа. Почему, спрашиваю? Ведь в общем и целом при моей, например, загруженности мне и тридцати часов нехватает!

— А ты разгрузись!

— Тебе легко говорить! Возьми хоть, к примеру, сегодняшний день. Во-первых, доклад о лагерной жизни. Во-вторых, доклад о вовлечении крестьянских ребят в пионерское движение. В-третьих, я — член жюри конкурса на лучший противогаз. В-четвертых, нужно подзаниматься по естественной истории. В-пятых, репетиция спектакля! И как же я все это успею, и каким же образом распределить время, и почему же мне никто не поможет, и зачем же я все это на себя навалил, и когда же все это кончится, и для чего же...

— А ты... разгрузись!

— Да как же от такой важной работы разгрузиться?

— Я тебе... от работы... не предлагаю... разгружаться!

— Так от чего же?

— От себя. От своих привычек, а главное — от словечек.

— Да ты что же это, скажи на милость, издеваешься надо мной, так сказать, что ли?

— Повтори.

— Что повторить?

— То, что ты сейчас сказал.

— Пожалуйста: „Да ты что же это, скажи на милость, издеваешься надо мной, так сказать, что ли?

— Сосчитай.

— Что сосчитать?

— Сосчитай, сколько в твоей фразе лишних слов?

— То-есть как же это?

— А так. Ты хотел сказать: „Не издевайся надо мной“. Четыре слова. А сказал 15. 11 слов лишних. И это за полсекунды. Сколько же лишнего ты за 24 часа говоришь? Естественно, что нехватает времени на дело. Разгрузись!

Активист остолбенел, а Увалень продолжал:

— Вот тут я записал все лишнее, что ты за эти пять минут сказал.

Активист взял листок и прочел:

1. „Одним словом“.
2. „Так сказать“.
3. „Как говорится“.
4. „В общем и целом“.
5. „Скажи на милость“.
6. „Я тебя спрашиваю“.
7. „К примеру сказать“.
8. „Просто-напросто“.
9. Около десятка „же“ (зачем же, почему же, когда же и т. д.).

Увалень продолжал:

— А результат? Трата времени — раз. Неясность мысли — два. Суетливость — три. И вообще ты неэкономно работаешь.

Активист вспылил.

— Вздор! Ты, так сказать, то-есть я хочу сказать, в общем и целом... то-есть, впрочем, как говорится, одним словом — врешь! Я не трачу лишней минутки.

— Посмотрим. У тебя доклад. На пятнадцать минут. О летнем отдыхе. Десять минут ты говоришь о катаньи на коньках, о лыжах, о зимних развлечениях, десять минут ты бродишь кругом да около и только оставшиеся пять минут, спеша и захлебываясь, вставляя кучу ненужных слов, говоришь о деле. Так ведь?

— Ты слыхал, как я делаю доклад?

— Нет. Я просто знаю, как ты его делаешь.

Активист подумал, помолчал и сказал Увальню:

— Вот что. Я хочу сказать, то-есть я хочу, чтобы ты меня хорошо понял, а именно, ну, словом, некоторая доля правды в твоих замечаниях имеется налицо, но все же ты слишком, как бы это выразить лучше, ну, одним словом, слишком строго относишься к моим недостаткам.

Увалень подумал и сказал Активисту:

— Минус 43.

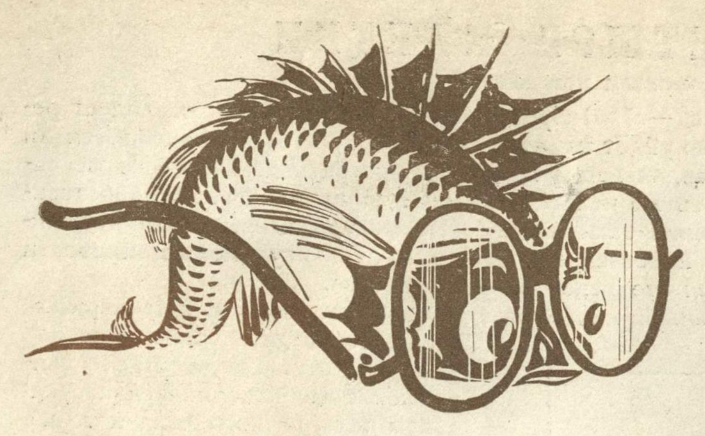
— Что?

— Ты сказал 45 слов. А хотел сказать два — „Ты прав“. Значит убыток 43 слова.

Тут Активист вскочил, выругался на этот раз довольно коротко, но выразительно и с тех пор навсегда расстался с Увальнем.

Прав Увалень или не прав, пусть скажут читатели „Ерша“

Н. Адуев

ЕРШИНЫМ ВЗГЛЯДОМ ПО ОТРЯДАМ

Здравствуйте, ребята! Сегодня я к вам не поеду: мой мотор в починке. Эге, бузотеры, шалуны, да лодыри обрадовались! Напрасно. Я и не выезжая из Москвы отлично все вижу и слышу. Во-первых, у меня острый ершиный глаз—видит на сто верст, как муха лапкой ухо чешет, а в ухе соринка лежит. Во-вторых, у меня имеются все нужные приспособления—от бабушкиных очков до телескопа. А для слуха—особые радио-наушники: пионер в Туле чихнет, я в Москве услышу. Так что ничего не ускользнет от меня.

Чтоб удобнее было смотреть, уселся я на высокой крыше, благо погода хорошая, весенняя. Ну-ка, поглядим—что делается в Кирсановской железнодорожной школе. Это что? Никак полеты на уроках происходят? Летят от одного пионера к другому книжки да шапки. А вон шапки прячут в разные места. После занятий все целый час свои вещи разыскивают. Вот так развлечение! Куда ребята шапки чужие запрятали—я вижу. А вот куда они запрятали свои умишки, что-то не видать совсем?

Эй, эй, кирсановцы! Чего на занятия физкультурой не ходите? Хотите вырасти замухрышками да растяпами без силы и ловкости? Вам же хуже будет. Любой непаченок вздует, кошка с ног собьет!

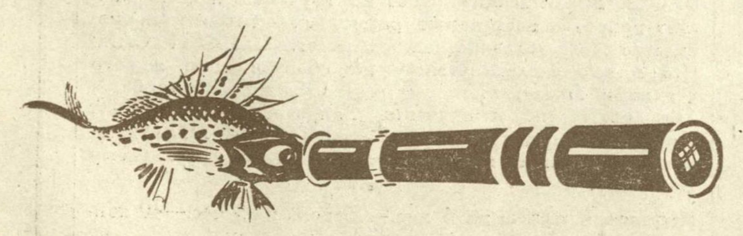
Ну, а теперь заглянем в Уренский отряд. Только невооруженным глазом не видно отсюда. Надену свои очки. Вот это—да. Как на ладони все! Что там за безобразие? Ребята из Уренского отряда хулиганят у кино Народного дома. Оттолкнули контролера, сбили с ног женщину и буйной ватагой без билетов в зал ворвались. Всем на ноги наступают, орут: „Даешь!“ Однако, я вижу, контроль идет. Ох, что тут поднялось! Ребята под стулья прячутся. Двое в окно полезли... Вот так пионеры!

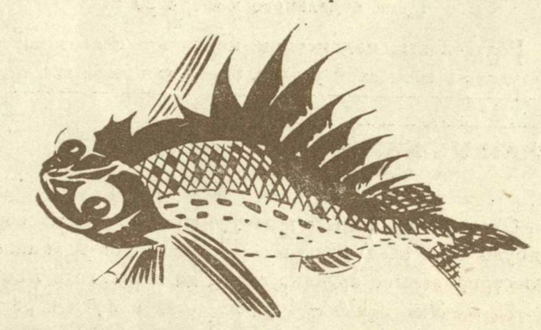
Надо в Аткарск заглянуть. Что поделывает там отряд № 516 при маслозаводе. Только в очках не видно, надо бинокль взять. Вот, теперь в самый раз! Клуб там был у ребят, да не заметно его что-то. Ага, вот он! До того малюсенький, что и не углядишь. Не клуб, а прямо курятник. Не пионерам там, а цыплятам находиться впору. Да и отсюда администрация ребят выживает: советует им купить клетку канарейки и в клетке свой клуб устроить. Просторнее будет, чем в этом помещении! А где же руководитель отряда Чистякова? А, вот она: спит, сердечная! И снится ей сладкий сон: будто все ребята из отряда уже разбежались и больше ей никто не мешает спать.

А теперь сменим бинокль на подзорную трубу и заглянем в Кузоватовскую школу в Сызранском уезде. Вот так штука! Да школа пуста. Где же ребята? И дома их нет. И в лагерь еще не выступили. Эге, они все за работой: метут двор, дрова пилят... Дело хорошее, да только не во-время. Нешто можно в часы учебы заниматься посторонними делами? А тут всегда так. Прошлой осенью, говорят, на две недели занятия прекратили, чтоб в лесу... грибы собирать. Этак по окончании школы ребята будут уметь по арифметике... пол мести, по географии... стекла мыть, а по остальным предметам... грибы собирать.

Ну-ка, теперь еще дальше заглянем—на Донбасс. Тут и подзорной трубы мало. Берусь за телескоп. Ух ты, как здорово видно! Вот Чистяковская семилетка. Что за дым валит? Должно быть, поблизости завод или шахта. Нету таких. Эге, да это—дым не из труб, а из... ноздрей! Все старшие ребята курят. И ругаются... А куда это две пионерки спешат? В школу? В отряд? Нет, завернули направо. Побежали прямо в... церковь! Ловко, нечего сказать. Выходит: святися, пионерия, святися!.. Ну, ребята, подтянитесь. Ведь от меня не спрячетесь. Я все вижу, все слышу, все знаю!..

Ершонок Мишка

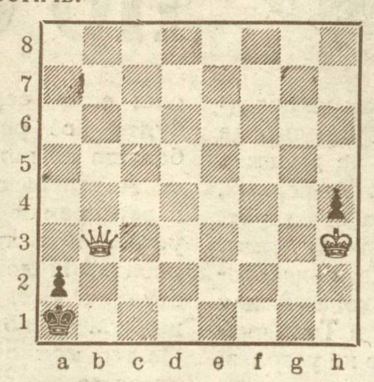

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ КЛЕТКИ

О ладейных и слоновых пешках

Часто в конечной стадии партии пешка линии ладьи („a“ и „h“) или слона („c“ и „f“), при ферзе у противника, дает слабейшей стороне ничью. Случается это от того, что король противника слишком далеко отстоит от пешки и, таким образом, не в состоянии помочь своему ферзю в ее завоевании. Обыкновенно такой эндшпиль (конечная стадия партии) кончается ничьей из-за пата. Например, в положении — бел.: Кр h3, Ф b3; черн.: Кр a1, п a2—король белых не может двинуться с места, так как в таком случае черным пат; равным образом и ферзь белых, во избежание пата, должен предоставить черному королю возможность хода, т.-е. должен уйти с линии „b“. Но как только теперь король черных сойдет с поля „a1“, у черных уже является возможность в продвижении пешки. Воспрепятствовать этому белые могут только загнав короля черных опять-таки обратно на „a1“. В результате получается исходное положение, иными словами—ничья. И в положении—бел.: Кр h3, Ф c3; чер.: Кр b1, п c2—ничья, так как белые и здесь не успевают приблизить своего короля к пешке просто из-за того, что после необходимого с их стороны предварительного хода Ф c3—b3+(иначе c2—c1Ф) король черных преспокойно уйдет на „a1“, а не на „c1“, оставляя пешку под ударом ферзя. Бить же пешку белые не могут опять-таки из-за пата. А раз даже и беззащитную пешку бить нельзя, то ясно, что белым больше ничьей ничего не достичь.

Мат в три хода

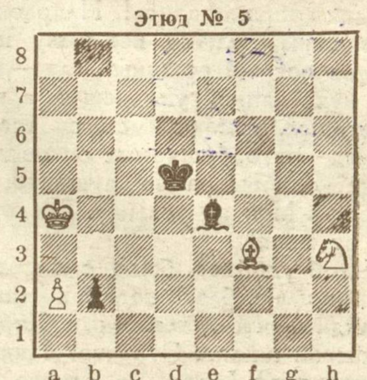
Решение приводимой нами на диаграмме незатейливой задачи таково. 1. Кр h3—g4, h4—h3; 2. Ф b3—c2, h3—h2; 3. Ф c2—c1×

Здесь мы видим, какую предательскую роль по отношению к своему королю играет пешка „h4“. Обстоятельство наличия у противника такой „лишней“ пешки (а иногда даже и фигуры) необходимо всегда учитывать. Прежде чем побить такую пешку (или фигуру), предварительно следует решить вопрос: а не пригодится ли эта фигура в помощь нам же самим? Примеров, когда собственные фигуры играют на-руку только противнику, можно привести множество.

Часто, во избежание проигрыша, стараются отдать такие „лишние“ фигуры противнику, чтобы с их уничтожением добиться ничьей (посредством пата, вечного шаха и т. д.).

Приводимый на диаграмме пример нам это иллюстрирует.

Этюд № 5

Бел.: Крa4, Cf3, Кh3, па2(4).
Чер.: Крd5, Ce4, пb2(3).

Белые начинают и делают ничью

Решение этого этюда мы дадим в следующем отделе. Предлагаем нашим читателям найти его.